

Сказание о Раде и Алексее

**Записано
Анной Зубковой
Под редакцией Владимира
Антонова**

Это Сказание — о стремлении души к Богу и о том, что мешает и что помогает на этом Пути.

Герои данной истории — не вымышленные персонажи. Но в Сказании описана подлинная история жизни достигших Божественности духовных Подвижников — Рады и Алексея. История Их духовного роста и Их Служения Богу была рассказана Ими Самими.

Изложенные приёмы духовной работы, представляющие традицию исихазма, могут быть успешно использованы и в наше время.

Содержание

Часть первая Алексей	4
Глава первая: Изгнание.....	4
Глава вторая: Старец Николай	8
Глава третья: Смиренномудрием душа врачуется.....	15
Глава четвёртая: Староверы	21
Глава пятая: О вере несокрушимой и о вере сокрушаемой	28
Глава шестая: Разбойники.....	35
Глава седьмая: Жизнь без старца Николая.....	41
Глава восьмая: Исцеление мальчика.....	44
Часть вторая Рада	48
Глава первая: Детство Рады.....	48
Глава вторая: Есть ли смерть на самом деле? .57	57
Глава третья: Уроки старейшины Благослава. Лад меж людьми и Богом	63
Глава четвёртая: Уход Велияра из общины.....	79
Глава пятая: Беседы с Радомиром	88
Глава шестая: Встреча с Алексеем	98
Глава седьмая: Новая встреча	103
Глава восьмая: В общине	109
Глава девятая: Обучение у Рады	116
Глава десятая: Иисус.....	132
Глава одиннадцатая: Любовь земная и Любовь Божественная.....	135
Часть третья: Новая жизнь	143
Глава первая: Новый дом.....	143
Глава вторая: О различении, о силе души и соблазнах гордыни	149

Часть первая Алексей

Глава первая: Изгнание

Молодой православный священник Алексей ехал в пургу в санях к новому месту своего служения, укрываясь от ветра и мороза не слишком подходящей для этого холстиной, которой когда-то накрывали сено. Некоторое количество этого сена, оставшееся в санях, оказалось очень кстати, спасая его от лютой стужи.

Мужик, согласившийся довести Алексея до деревни, где ему надлежало отныне жить и служить, время от времени рассыпал проклятия в адрес погоды и грелся самогоном.

Маленькая деревушка в предгорьях Урала, куда был отправлен Алексей, была для него своего рода местом ссылки.

... А ведь так недавно была Москва, жизнь в самом центре происходящих в стране событий, учёба в Спасском монастыре, а затем в греко-латинской академии Семёна Полоцкого, только что созданной по образцу европейских университетов. Потом — рукоположение в присутствии приближенных к царскому двору священнослужителей... Это обещало блестящее будущее...

... И вот — всё рухнуло!

Вначале умер его опекун-воспитатель — честный и мудрый человек. Он вёл все имущественные дела Алексея. И Алексей — сирота из

знатного и богатого рода — был свободен от всей суеты по управлению имениями.

Алексей — лишь к духовному направлял все свои устремления. Он избрал для себя путь монашеского служения Богу — ибо к тому с детских лет имел мечты и намерения.

После смерти опекуна, недолго думая, Алексей передал всё своё имущество и деньги церкви — и затем принял постриг. Ведь «трудно богатому войти в Царствие Небесное»¹. И очень скоро после этого — всё и случилось: опала, изгнание...

Алексею больно было вспоминать об этом... Ведь лишь деньги немалые и земли, ему прежде принадлежавшие, были очень сильно нужны тем, кто распорядились избавиться от его присутствия в Москве... Каждый из них спешил присвоить как можно больший кусок сего земного добра...

И ещё — неугоден был молодой и страстный проповедник преобразования духовной жизни...

И вот теперь — рухнуло всё: все его мечты о преобразовании жизни церковной, все мысли о свершении добрых дел во Славу Божию, во благо государства Российского, во благо народа в стране огромной, ныне столь униженно живущего...

... Теперь он стал одним из тех, кто уже никогда не смогут ничего изменить в жизни и церкви, и страны в целом...

---

¹ Мф 19:23.

... А ведь казалось... Мысли горькие об участи своей печальной — словно серый туман кружились в голове Алексея:

«Теперь я — никто... Я — словно снежинка в этой пурге... И какая разница: растает ли она сейчас — или вмёрзнет в какой-нибудь сугроб и будет в нём ждать своего конца по весне...

Может быть, остаться в каком-нибудь уездном городке? Начать другую жизнь? И никто никогда не узнает: где я сгинул, кем стал?

... А впрочем — зачем? Нет в том смысла!... Не к тому ведь стремится душа! Ведь по глубокой своей устремлённости — путь монашеский я избирал!

Иль, может быть, Богу нужна зачем-то такая моя горькая участь?

Сколько вопросов! А ответов — нет!...»

Время от времени Алексей мысленно возвращался к последним неделям своей столичной жизни, вспоминал пламенные речи, что произносил он перед многими своими друзьями и наставниками. Ему казалось, что его слова зажигали и в других людях любовь к Богу и стремление к преображению духовной жизни в стране. Алексей был уверен, что знает, как это можно и нужно сделать! Лишь бы его услышали те, кто правят жизнью церковной, — чтоб рассказали об этом царю...

И вот — они услышали...

... Он вспоминал последний разговор с тем, кто объявил ему об изгнании из Москвы. Ярко всплыло в памяти насмешливое выражение лица говорившего, его высокомерный тон «победителя» в этой жизни, всегда знающего, на чью сторо-

ну встать в интригах придворных — чтоб самому и уцелеть, и продвинуться...

— Вот и поедешь теперь, — говорил он, — от мыслей своих еретических избавление получить да каяться! Вон — старец Николай прежде тоже учить всех пытался, хотел всех «торгующих из храмов изгнать»... Ничего! Образумился! И слово хоть одно от него теперь не каждый год слышат...

— Что ж плохого в нестяжании, если так Иисус заповедовал?

— Так не о своём же богатстве печёмся! О богатстве церкви! А ты — осуждаешь! А то — грех!

... Алексей действительно поймал себя на осуждающих мыслях, ибо не раз видел богатое убранство жилища говорившего, видел его вкушающим скоромную пищу в пост в великом изобилии: «по благословению и для поправления немощи телесной». Только какая же то немощь? Живот — округлый, щёки — лоснящиеся от жира...

«Осуждаю ли я? Обиделся ли?»

... «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас!»²

Алексей попробовал углубиться в молитвы.

Ветер стих, снегопад закончился, всё начало сверкать в свете выбравшегося из-за облаков закатного уже солнца.

Красота и безмолвие снежное!

... Возница остановил сани:

— Дальше дороги нет, пешком ступайте!

---

² Мф 5:44-45.

— Как это — нет?

— Нет и не было! Летом тропинка есть, а сейчас — так идите!

— А деревня где?

— И деревни нет! Весь народ давно уж к заводу железнорудному переселили. Тут — лишь несколько домов осталось. Те, кто к работе на рудниках и в печах плавильных непригодны, — только те тут век свой теперь доживают.

... Извозчик махнул рукой в сторону покосившихся и почерневших изб, видневшихся вдаль.

Потом он повернулся в другую сторону и показал рукой направление, куда Алексею идти:

— Вон — крест над верхушками деревьев! Видите? Так на него и идите! Там — скит. И старец Николай там живёт.

... Алексей взял мешок со своими скромными пожитками, приладил к спине и зашагал в направлении к тому кресту.

Глава вторая: Старец Николай

Алексей шёл, то по колени, а то и по пояс проваливаясь в снег. Он с трудом добрался до скита. Уже стемнело.

Он постучал в дверь маленькой избушки, где в крошечном окошке был виден свет свечи:

— Входи! Открыто! Храни Господь!

... Алексей вошёл, перекрестился на единственную икону Спаса Нерукотворного в переднем углу, поклонился.

... Он знал о старце Николае немного, лишь то, что тот из нестяжателей. За высказывания публичные, призывающие к чистоте нравственной всех служителей церкви, к простоте в жизни и убранстве церковном, — был он сослан сюда много лет назад.

Принял тогда старец обет молчания на десять лет — и соблюдал его.

Через то — отношение к нему переменилось, и о святости его уже сильно поговаривать стали.

А Алексея к нему направили — вроде бы как в помощь немощи старца. И — в обучение Алексея молчанию.

... Алексей осмотрелся. При слабом свете свечи помещение внутри выглядело маленьким и почти пустым. Стол, стул, широкая лавка... Даже кровати нет.

Посмотрел он со вниманием и на старца Николая — и вдруг... успокоился! Столько доброты, ласки и умиротворённости было во взгляде старца — что и Алексея этот нежный покой обнял и наполнил!

И отчаяние оттого, как печальна нынешняя его участь, сжимавшее как тиски, придавливающее к земле, — вдруг отпустило Алексея.

... Старец Николай был высок ростом. Видно было, что в прошлом большой силой обладало его тело. И годы — не сломили дух, не согнули спину!

Белая от седины борода обрамляла наполненное добротой лицо. Каждая морщинка на нём была словно лучик от сияющих любовью глаз.

Тишина и ласка излучались в пространство вокруг его тела.

... Вечером они говорили:

— И за что ж тебя сюда определили, сынок?

— За вольномыслие...

— Понятно.

— А Вы тут давно совсем один живёте?

— Давно... Да только не один я! С Богом живу!

* * *

Так для Алексея наступила новая эпоха в его жизни.

Постепенно Алексей рассказал старцу Николаю о себе всё: о том, как рос и воспитывался, как духовную стезю единственно правильным выбором своим видел.

Алексей с детства не только к молитвам усердие имел, но к познанию стремился. Читал много. Латынь и греческий выучил. И на этих языках книги духовные в подлинниках читал.

Впрочем, и те книги тоже — лишь поощряли дальнейший поиск: они не давали ответов на вопросы, которых становилось всё больше...

О мечтаниях своих рассказал он старцу Николаю, о стремлении достичь те состояния души, которые обретали ближайшие ученики Иисуса: Голос Божий слышать, Свет Божий видеть, Волю Бога во всей полноте понимать!

Рассказал Алексей и о том, что упрекали его в гордыне, в мудрствовании, которое от лукавого! Предлагали каяться и жить — «как все»!

Алексей тогда много каялся, внимательно всматриваясь в себя как в душу.

Но не искать Истину и жить «как все» — не мог и не хотел!

Много говорил Алексей о своём понимании жизни христианской. Он прежде изучал старательно писания первых христианских общин. И ведь сколь непохожа была та жизнь первых христиан в общинах — на ту, которую теперь ведут люди, именующие себя христианами!

Рвался он понять: отчего, зачем всё так тяжело и мрачно — в устройении теперешнем духовной жизни в государстве Российском?! И — можно ли изменить что-то? И — как изменить?

Старец Николай слушал его молча, давая выплеснуться всему, что наболело в душе...

Алексей рассказывал и о том, что послужило причиной того, что он оказался здесь: что за предложения его дерзкие по преобразованию жизни церковной отправили его прочь из Москвы — чтоб не будоражил умы идеями своими, чтоб не затевал новые смуты в жизни церковной!

... Обо всём рассказал он старцу Николаю. Поведал и мысли горькие, и терзания о незнании теперешнем — как и зачем дальше жить?

* * *

Старец Николай говорил редко. Они трапезничали в молчании и проводили время в молитвах и простых делах хозяйственных, для жизни необходимых.

Алексей изо всех сил старался как можно больше времени посвящать молитвам. Но не бы-

ло для него оттого той спокойной радости, которой старец Николай был полон всегда.

И понемногу стал он вопросы задавать о вере, о молитвах, о понимании жизни монашеской.

Каждая такая беседа со старцем открывала Алексею новое видение его собственной жизни пред Богом, помощью неоценимой была.

А старец Алексея не только утешал, но и пристыдить мог:

— Сильна ещё, сынок, гордость в тебе! За великое счастье почитают многие жизнь монашескую уединённую в скиту! А ты — её ссылкой называешь! Сего ж — подвижники духовные ищут! Тебе же Сам Господь такой дар в судьбу послал! А ты — ропщешь!

— Да ведь не о себе...

— Кабы не о себе — то не роптал бы на судьбу!

Разве оттого, что здесь жить теперь станешь, — то Бога меньше рядом с тобой будет, чем в Москве?

Ты ж сам — добровольно — монашество принял! И такое отшельничество — за радость почитать должен! Через то — святость многие пророки и пустынники обретали!

Тебя Божий Промысел о тебе и Забота Его — не радуют, не видишь их!

Ты вот что уразумей, сынок:

Смирение — оно врачует душу! Смирение — успокаивает мысли!

Пока в уме царит хаос и мысли словно борются меж собой за овладение твоими эмоциями

и желаниями — исихия, внутренняя тишина, — как недостижимый берег!

В тишь сердца духовного, по другую сторону от суетности и горделивых мыслей, — ведёт только путь смирения и любви сердечной!

Смирение — очищает, пост — оздоравливает тело!

А усилия в делах земных и духовных — укрепляют волю человека!

Очень многое — от личного устремления человека зависит: на пользу душе происходящее с ним пойдёт — или же во вред!

Вот — смотри: бывает, что люди от голода страдания испытывают, болеют даже. Но когда человек пост строгий соблюдает по собственной воле и для Бога — то иное происходит: очищение и здравие и телу, и душе пост несёт!

А уныние — хуже любой болезни разрушает жизнь человека, словно ржавчина разъедает душу!

Скоро маята мирская покинет тебя — и сердце теплотой исполнится! Суетность мыслей тебе для этого оставить надо!

— Но как?

— На Бога устремить надо мысли, а не на себя и проблемы свои да печали! То — первый малый шагок!

Если к Богу мысли устремлены — то от Бога и помощь приходит!

Через то — и ум очищение обретает!

Если же начинают помыслы о печалях твоих собственных или о суете мирской одолевать — ты их отринь и о Боге учись думы иметь!

А после — любовью и благодарностью к Богу за всё — наполнять душу будешь учиться!

Умение добровольно подчинять себя Воле Божией — сие есть та свобода, которая обретается в жизни монашеской!

Есть деяния, телом совершаемые. А есть — труждения души.

И эти труждения — не безделье, не суетные горячие мысли о чём-то возвышенном!

Пред Богом живём! Пред Ним открыто — в каждый миг — всё, что в нас происходит!

И можно праведно начать жить при любых условиях внешних! Не оттого, что вокруг нас происходит, — грехи наши проистекают, а от наших пороков, что внутри!

К примеру, ведь вполне можно не допускать в себе мыслей грешных, пустословия, тоски и безделья!

Молитвы не помогают в этом, если лишь слова твердятся. Молитва — живой должна стать! А оживает она — в сердце духовном, вот здесь!

... Старец Николай прикоснулся ладонью к груди Алексея так, что на краткое время у Алексея перехватило дыхание. И Алексей увидел внутренним взором в своей грудной клетке — свет и простор! Но удержать сие он не смог...

А старец продолжил:

— Можно одно лишь имя «Иисус» в тишине сердечной произнести — и то более всех молитв будет!

Ты молитву — в сердце повторять научись! Словно уста твои — в груди расположены! И — словно свеча в сердце духовном зажжена! Каждое слово — из сердца пусть зазвучит! Тогда — теп-

лота сердечная появится скоро, благодать Божию ощущать начнёшь, присутствие Его незримое!

Глава третья: Смирennemудрием душа врачуется

Время шло, а в простой жизни Алексея вроде не случилось ничего значимого... День за днём так проходили...

Алексей привык, но всё же стяжать большее в подвиге монашеском жаждал.

Однажды он спросил старца:

— Отчего не видим Иисуса? Отчего слов Его не слышим?

— Стало быть не заслужили ещё... Когда надо — скажет Господь так, что и глухой услышит!

Вот, Иисус сказывал, что «если двое соберутся во Имя Моё, то и Я среди них пребуду». Не веришь Иисусу? Не веришь, что Он сейчас — с нами тут? И что слово каждое слышит?

— Верю, да только...

— Слаба вера твоя пока!... Ты — трудись над собой-душой! А результат — он Богу принадлежит!...

— Что нужно, чтобы не опустились руки, чтобы продолжать усилия?

— Вера, надежда, любовь!

Значимое — это ведь не чин в иерархии церковной получить... Но от Бога — чин чистоты и приближения к Нему мы сыскать должны стремиться!

А как тому срок наступит — то от Его Милости зависит!

— Как ты думаешь: для чего Бог нас сюда определил?

— Того не ведаю... Но если послушны Воле Господней станем, то, может, и узнаем про то!

— Но как узнать, если Голос Божий не слышу? Как молиться — чтобы ответ получать?

— Бог — всё понимает, и слышит, и видит! Ты не бойся Ему говорить! Ты — и словами обычными можешь Ему о любви своей к Нему рассказывать!

Молитвы, что мы повторяем, кто-то когда-то первый *от сердца* произнёс... А потом их записали и просто твердить стали...

Главное — надо, чтоб слова *от сердца* шли!
За всех людей молись!...

— А помогают ли молитвы им?

— Да, не зря тебя сослани-то!... Ты точно своими вопросами все умы засмущал бы. Веры в тебе мало, а сомнений много!...

Пошли лучше огород поливать, а то зимой роптать станешь, что не послал нам Бог пропитания!

* * *

Алексея одолевала тоска по Богу. Он теперь рвался — через молитвы усердные и непрерывные — достичь возвышенных состояний. Работу же по хозяйству — досадной помехой он сему считал.

А работать по хозяйству Алексею приходилось много. Ведь всё их выживание зависело от их простого труда.

Алексей не был привычен к труду сельскому. Жил он с детства в богатом доме, окружённый слугами, которые исполняли всю простую хозяйственную работу. Не ленив был он, и работать готов был с усердием всегда. Но для него труд был — в учёбе, в чтении книг, в молитвах, а не землю копать да дрова колоть...

А тут — столько времени и сил нужно было тратить на «грязную» работу, а не в возвышенном состоянии молитвы произносить!

И это весьма печалило Алексея. Но, чем больше он печалился, тем больше поручений давал ему старец Николай. Даже ремонт церквушки полуразвалившейся затеял, хоть на службы в неё люди давно уж вовсе не заходили...

Алексей не роптал, старался во всём, слушался старца, но унынию часто был подвержен...

Не выдержав, однажды он задал вопрос:

— Как же к Богу приближаться, если мы тут словно крестьяне землю копаем, словно плотники церковь ремонтируем...

Старец Николай ответил с мягкой улыбкой:

— Сказывают, Иисус тоже плотницкому делу обучался...

Помолчав, добавил:

— Бога можно ощущать не только проповедуя с кафедры слово Божие прихожанам. Можно — и огород копая, с Богом в сердце быть, можно и любой другой труд так совершать.

Ты вот, Лёшенька, пойми: жалость к себе — она разрушительна... Ты словно сам себя ко греху уныния привязываешь! От самосожаления — и силы теряешь, и радость Божию ощутить не мо-

жешь! А силы те — и на любовь к Богу, и на труды праведные направить можно было бы!

Я через то сам прошёл когда-то...

Хочешь поведаю тебе, как Бог меня смиренню учил?

... Алексей с радостью кивнул. Они сели на лавочке, что недавно починена была. Старец начал говорить и в глазах его засияли искорки веселья, которое не часто в нём Алексей видел:

— Послушание монашеское — многому научить может!

Оно учит смирять гордыню и исполнять волю другого человека — взамен своей, например, старца своего. Тот, кто сему обучится, смилив гордыню и подчинив ум, тот и Бога Волю — взамен своей — принимать сможет!

Коли свят старец или хоть разумен — то велика от того польза! Но даже если и не мудр наставник, а лишь тиранит послушника, свою власть выказывая, — и то послушание многому научить может.

... Старец Николай улыбнулся своим воспоминаниям:

— Было со мной такое испытание от Господа, через которое начал смиренномудрие обретать.

Назидал меня, да поручения давал противоречащие здравому смыслу наставник мой первый, к которому я на начальное время своей жизни в монастыре иноком приставлен был для служения нуждам его. А я тогда только-только в монастырь пришёл, и всё мне внове было. Да и книг мудрых не много тогда ещё прочитал...

А «наставник» сей мой, словно выживший из ума, в гневе брызгая слюной на меня, часто набрасывался с криками, а то и побить мог, если я слово несогласия молвить пытался... Заставлял он делать работу вовсе бессмысленную...

Я поначалу весь горел от возмущения... Как же быть — не знал... Ослушаться — боялся, ибо за то из монастыря бы изгнан был. А то — мне страшнее смерти казалось, ибо думал я, что этим и от Бога отлучён буду во веки вечные.

А понять то, как никому не нужный труд совершать, время и силы на то тратить — вместо того, чтобы пользу братии и монастырю принести или в молитвах время проводить — никак не мог... Да-а...

Через силу преодолевая возмущение ума и утомление плоти, я то исполнял...

Сейчас то смешно мне вспоминать... А тогда — тяжело пришлось!

Это я не к тому тебе говорю, что — в смирении — глупости совершать надобно! За глупое следование воле начальников духовных, приказывающих подчиняться им, очень много зла в мире этом совершается. Различение — нужно! Иначе — становятся такие, «оставившие свою волю», фанатиками, которые могут «за веру» убивать, на кострах сжигать — и в том... подвиг свой духовный видеть...

Тебе неразумие такое не грозит, а вот смирения — в тебе недостаёт.

Мне всё это понимать долго пришлось...

Потом — именно мудрый старец в монастыре появился и от наставника того меня освободил. Теплоту в сердце стал учить ощущать, ум

в сердце погружать. Научил он меня, как к Богу душой и мыслями устремляться, как — по смирению нашему — Бог всё приходящее в жизнь нашу изменять может. Ибо, если видит Бог смирение, а не гордыню, — то открывается благодать Божия!

Но в жизни монашеской, даже когда разумен старец, то не всегда по нраву послушнику труд бывает... Ты вот — когда нежелание да противление в себе к работе по хозяйству одолеешь, то в радость труд станет! И молитва в помощь будет, силой наполнит!

... И точно! Чем более проникался Алексей наставлениями старца, тем проще всё становилось. Порой — словно пело сердце, когда пилил и строгал доски для ремонта церкви, или когда сено косил, огород копал, дрова колот...

И молитвы иными иногда становились. Будто — всё те же слова, но они — словно песня души к Богу возносятся! И — будто Бог рядом! Правда, не всегда так получалось, но всё чаще Присутствие Божие незримое окутывало Любовь и Покоем!

Всё чаще молитва, творимая в сердце, — словно оживала!

Однажды зимним морозным днём тишина звенящая заполнила пространство — и Алексей увидел Свет Сияющий!

Какое это было чудо!

Тишина была наполнена Присутствием Божиим Живым. В этом нельзя уже было усомниться!

Но это продолжалось не долго. И вновь сие состояние вернуть Алексей не сумел, как ни пытался.

Рассказал Алексей старцу про то.

А старец Николай ему в ответ говорит:

— Прикосновения Святого Духа чудесные — изменяют нас, но не сразу и не навсегда... Вот мне — десять лет нужно было трудиться, чтобы испытать сие. А ты вот — и два года не прошло, как тишину и теплоту сердечную познал! Вот и благодари Господа за Милость сию!

Благодарная душа легко в смиренном состоянии пребывает! Гордому же — смирение тяжело даётся!

Благодари Бога за всё! Через то — спасение от гордости и смирение обретать станешь!

Глава четвёртая: Староверы

Однажды в скит пришла женщина с тремя малыми детьми. Измождённая, с глазами полными отчаяния и страха, она едва держалась на ногах от усталости. Одного младенца, привязанного к груди платком, она придерживала руками, двое других детей — мальчик и девочка лет 6-7, сами цеплялись за её одежды.

Пред старцем Николаем она на колени упала, детям тоже велела... Они, покорно встали рядом с матерью. Младенец заплакал слабенько, словно уже отчаялся своим плачем добиться чего-нибудь. Женщина передала дитя дочке. Девочка привычно взяла младенца и, укачивая, стала приговаривать: «Уймися, уймися, тихо ты...».

А женщина подняла на старца полные страха глаза и запричитала:

— Покрести нас в веру свою! Спаси нас! Духовник наш, батюшка Калистрат, всех пожжёт, а коли не он, так стрельцы пожгут. Спаси деток: невинные они!... Не учёная я — говорить... Мы — веры старой, что от Христа и Апостолов была... Прости, коли не так сказываю... Нас, как еретиков, слуги антихристовы пожечь пришли... А наш духовник Калистрат сказал, что сам всех — с молитвами — спалит, чтобы не бежали больше, а сразу — ко Господу на Небеса... А я спужалась, не за себя, за деток: малые ещё!...

— Где становище ваше?

— Вверх по реке... Полдня оттудова бежали...

Старец вдруг поднялся резко. Подошёл к Алексею. Изменившимся от напряжения внутреннего голосом произнёс тихо:

— Разумеешь ли, что происходит?

— Да...

— Так беги, останови безумцев! Беги, что есть сил! Христос — с тобой!

... Старец благословил Алексея.

Уже выходя, Алексей слышал вновь спокойный и ласковый голос старца:

— А ты погодь, милая, отдышись, с коленто поднимитесь! Нечего вам уже бояться, спасены будете!

* * *

Алексей бежал по бездорожью, ветки хлестали по лицу, ноги вязли то в песке, то в болотистой почве, мокрые полы одежды монашеской мешали, цеплялись за ветви, путались в ногах...

Алексей остановился, чтобы отдышаться и подвязал полы верёвкой. Но дыхание восстановить не смог. Казалось, что внутри всё горит и вырывается наружу раздирающим горло сиплым хрипом, а сердце бьётся где-то в гортани...

Он побежал вновь из последних сил...

Молил Иисуса — и бежал..., бежал..., бежал...

... А потом он увидел огромный столб чёрного дыма за поворотом реки. До Алексея донеслось с порывами ветра пение молитв. Потом всё это переросло в крики ужаса и боли... Зарево взметнувшегося к небу пламени... После крики стали стихать...

Алексей выбежал за поворот и понял, что опоздал...

Вдали на холме догорал сруб, в котором, видимо, погибли уже все....

Стрельцы, покидая становище староверов, поджигали по дороге оставшиеся постройки... Всё окутывали клубы чёрного дыма...

Алексей упал на колени и молился.

Отчаяние, усталость, невыносимая боль от всего этого происходящего ужаса!

«Иисусе, почто допускаешь сие? Как изменить всё это?»

После Алексей поднялся на холм.

Он долго смотрел на пепелище, где заживо сгорели люди:

«Кто поджжёт? Их старейшина — своих..., заживо..., женщин..., детей малых...? Или стрельцы-каратели — во исполнение указа? Да какая разница — кто?... Одни люди, в Иисуса верующие, об-

рекли на мученическую смерть других, в Иисуса же верующих... Как такое возможно?!»

В скит Алексей вернулся уже затемно. Он шатался от усталости. От опустошённости внутренней было так, словно ослеп душой... Пусто и темно внутри... Как жить? Как молиться?

— Не успел..., — он прошептал это едва слышно, а может и вовсе не прозвучали слова, лишь пошевелились растрескавшиеся в кровь губы.

Но старец Николай и так всё понял.

Утешать не стал. Сказал с ласкою в голосе:

— Умойся! Из ведра весь окатись, надень чистое! Помолись и ложись спать!

Алексей послушался.

Вылил на тело ведро воды... Она словно обожгла холодом тело, но после стало вроде бы полегче... Потом надел чистое...

Молиться он больше уже не мог, спать — тоже...

Алексей снова пошёл к старцу Николаю, который сидел во дворе у маленького костерка. В единственной их общей келье спали женщина и её дети, которых сегодня, видимо, уже окрестил старец.

Алексей сел рядом.

Молчали долго.

Алексей смотрел на языки пламени и всё думал о тех, кто сегодня погибли в огне...

Попробовал он себя представить на их месте: «Убоялся бы смерти за веру — или нет? Как знать о том, пока смертный час не приблизился и не прошёл сего испытания сам — пред Богом?»

Потом, всё же, не выдержал и заговорил:

— И прежде знал, что крестят насильно староверов, что с мест — поселения сгоняют, что казнить могут тех, кто к ереси других склоняют... Но, вот так...

— Ты, сынок, не казни себя, что не поспел. Нет страха в смерти тел... Души-то — бессмертны! Страшно лишь о тех, кто других на смерть обрекают!

Сколько мучеников за веру во Христа — смерть приняли!... Вот мы их святости теперь поклоняемся!...

А двуперстием ли креститься или тремя перстами — то людское, мирское, так я полагаю.

Ты уже не застал время то, когда все двуперстием крестились. А я — застал...

Страшные беды людям раскол сей принёс! И много ещё бед принесут неразумие и жестокость человечьи, которые Волю Божию на свой лад толкуют.

— А Бог — зачем такое допускает?

— Не ведаю... Может надеется Бог, что образумятся люди, которым свобода воли дарована... И что не зря на Землю посылал Он Сына Своего Иисуса! Быть может, всё же, Учение Иисусово о том, что люди друг дружке братья и сёстры, что в любви к Отцу Небесному и к ближним своим жить они могут — не зря дано было человечьям... Может быть, ждёт Бог, когда люди, видя такие ужасы, Учение сие Иисусово — исполнять станут...

Ладно, будет о том!

Много крови пролито было и немало ещё прольётся!...

— Так надо же что-то делать?!

— Много казнено было тех, кто пытались...

И я пытался, да и ты, вроде, тоже пытался...

Стрельцы ведь — указ царевны Софьи исполняют, а не просто так они по просторам безлюдным лесным становища раскольников ищут!...

Ты вот лучше подумай, какие бумаги Ефимии с детьми нам написать следует, чтобы не тронули их более...

* * *

На следующее утро старец Николай наполнил заплечный мешок Алексея всяким припасом съестным. Алексей даже с некоторой тревогой наблюдал за тем, как сильно опустели их закрома, потом словно «одёрнул себя», мысли грешные отогнал и порадовался щедрости старца Николая, который о себе и о нуждах своих не думал вообще...

Старец велел проводить Ефимию с детьми в деревню и помочь обустроиться в каком-нибудь доме пустом.

Таких домов было там много, потому, как переселены отсюда были люди для работы на рудниках, где добывали железо и медь.

Пока они шли, Ефимия рассказала о том, что она — вдовая, что их духовник Калистрат велел сечь мужа её за непокорство. И засекали его до смерти...

Рассказывала она это спокойно так, обычно, без слёз.

Объяснила, что в общине этой все в страхе жили.

Поведала после, что в общине другой — своей родной — где она до замужества жила, такого не было. Все с верой «спасались», дружно было и ладно меж людьми... А тут, у Калистрата в общине, все всего боялись. «Антихриста» — боялись, «конца света» — боялись, преследователей за веру — боялись, того, что в немилости у духовника окажутся — тоже боялись...

А как она без мужа осталась, которого «прислужником дьявола» нарекли, то и вовсе страшной жизнь для неё с детками стала. Так она этого страха натерпелась, что бежать решила.

А тут стрельцы пришли, бумагу какую-то укáзную прочитали. Выходило им, куда ни глянь, смерть неминуемая... Вот и решила она веру сменить и через это детей спасти.

Потом про веру новую стала спрашивать с осторожностью:

— Простит ли Господь, что переменяла веру отцов и дедов? Помилует ли Он деток?

... Алексей успокаивал её, как мог.

В деревне помог дом выбрать покрепче...

Потом людям, которые вышли посмотреть, что тут происходит, сказал, что, Божьей Милостью, с ними рядом теперь вдова с детьми малыми жить будет. Сказал, чтобы помогали друг другу по-христиански. Ещё слова об Иисусе, о заповедях доброты говорить стал... Словно вспомнил, что когда-то речи пламенные произносил...

Его слушали молча... Увидел он взгляды... словно пустые да непонимающие... И замолчал...

Спросил, о том, не нужно ли чего от него кому-нибудь?

Написал два прошения тем, кто к нему обратились с просьбой помочь...

Идя обратно, думал Алексей о людях, что в деревне остались: нищие, неграмотные, и нет им дела никакого — до Бога!... Выжить бы, подати заплатить и не умереть с голоду — вот и вся их жизнь!... Да нужна ли такая жизнь? А жить они все хотят, словно из последних сил за существование своё такое горестное цепляются!...

«Вразуми, Иисусе, как же можно им помочь?» — с этой просьбой Алексей углубился в молитву и зашагал быстрее к скиту.

Там, словно огонь свечи пред иконой, ровно и спокойно сияла и согревала всё вокруг душа старца Николая. Рядом с ним — Алексею было легче переносить все испытания жизненные, словно маленький уголок «земли обетованной» создавал вокруг себя старец Николай своим спокойствием и глубиной веры своей — непоколебимой в любых испытаниях.

Глава пятая: О вере несокрушимой и о вере сокрушаемой

Алексей много размышлял о том, что ему довелось увидеть и узнать за последнее время. Думал о расколе церковном, о множественных расхождениях в верованиях даже среди тех, кого именовали теперь «раскольниками», о том, как указы об «искоренении ересей» написаны и о том, как их трактуют и даже ещё более страшно ужесточают люди, наделённые властью их испол-

нять, о безвольной и бездумной покорности одних людей и о не укладывающейся в понимание жестокости других... Думал о готовности человека принять смерть за веру свою...

Думал и о том, как происходящие гонения можно было бы остановить: «Нужна ли вера единая для всех? Можно ли так сделать, чтобы вражды и нетерпимости в вере не было среди людей? И что вообще есть вера?»

Однажды Алексей спросил старца Николая:

— Отчего так много вражды меж людьми, так много ненависти именно из-за веры? И что такое вообще — вера?

— Вера — то сила великая! Сила сия из ума — в душу прорастает.

Кто веру крепкую имеет — тому жить легко! Он — словно листок малый на ветви дерева — единым со всем деревом себя ощущает!

Вера и есть та сила, что сей листок удерживает единым с веточкой и с самим деревом. А если слаба вера, то человек — словно листок такой, с ветви слетевший и ветром гонимый: то в одно место гибельное его принесёт, то в другое...

Просто наше счастье монашеское: нужно жить всегда душой с Господом! Душа — через веру глубокую и любовь чистую — с Богом соединяется!

А Любовь Божия есть та Сила чудная, что душу питает, словно сращивает с Создателем!

Тело же человеческое — оно и впрямь — как листочек на том Древе Божиим.

Время даётся сему листочку-телу распуститься, зазеленеть, пожелтеть и погибнуть... А душа — неотрывна от Бога остаётся, если любо-

вью к Господу за жизнь свою наполнилась и приросла к Богу! А если не приросла душа к Господу — то тоже, как и тело бренное, подобно листьям опавшим гибнет...

А какую пользу от листика дерево имело, то уже не твоя забота.

В час свой ты родился, в час свой и смерть примешь! И по заслугам Бог рассудит: достоин ли Царствия Небесного — или нет...

— А как узнать: что для Бога угодно, а что — нет?

— Вот в этом-то — и секрет молитвы сердечной! Когда Бога в сердце ощущаешь — то и понимаешь Его Волю! Вот оттого-то и является радость — когда ему удобное исполняешь! Сам ты сие уже не раз испытал...

А если что не гладко задумал — то словно небо тучами нахмурится. То — тоже ощутишь: не дельное, стало быть, замыслил, не хочет того Господь!

Надо всеми нами — Он! И над жизнью твоею, и над судьбою!

— И что ж, выходит, от человека в судьбе его ничто не зависит? Ничего не переменить, никому другому не помочь? Надо просто верить, любить — и всё? Так вот — словно растение — и жить, и умереть?

— Как же не зависит? Зависит! Гордыню свою унять, пороки в себе искоренить, не грешить по слабоволию и попущению своим хотениям, ещё — научиться любви сердечной, Волю Божию воспринимать!

Это — как раз от человека токмо и зависит!

И жить приличествует начать так — чтоб всё — только для Бога! А остальное — уже Он управит!

Радостна такая жизнь с Богом — когда по велению Его живёшь!

Радость такая происходит — когда Бог — в сердце духовном твоём! Это — уж не просто вера!...

Когда любовь Божия душу переполняет — то не отделены мы от Бога: Он — с тобой и ты — с Ним! И жизнь твоя — Ему всецело принадлежит!

И пусть с нами всё — по Воле Его будет! И ничто не печально тогда, а всё радостно, ежели понимаешь, что всё — от Него исходит! И неуместно, чтоб в нас противление сей Воле было!

— А как всегда знать, что верно Волю Его понимаем, не заблуждаемся? Сколько толкований для каждого слова Писаний придумывают люди! Столько зла вершится — якобы для Бога!...

— А ты, Алексей, не умствуй лишнего!... Ты — сердцем ощущай! Умеешь ведь уже! Так — всегда сердцем Истину Божию почувствуешь даже там, где пониманию твоему невмочь!

Вера и любовь к Богу позволяют и смерти тела не убояться. И — испытания все, в жизни выпадающие, достойно пройти. И делать — то благое, что в силах твоих, а за то, что изменить не в силах, — печали не иметь.

А ещё важно — о смертном часе всегда помнить. Понимание следует иметь, что каждый в свой час за себя ответ перед Господом держать будет.

Жизнь — это ценность великая! Сие есть правда!

И часто думает мирской человек, что ничего нет превыше жизни тела... А человек духовный знает, что и самую жизнь телесную можно отдать ради спасения души. И многие то совершали!

Есть особое состояние души человеческой, в котором вера так сильна и глубока, в котором вера и любовь настолько преобразили душу, — что не страшится человек за себя больше.

Переступить через догмы условные и Бога Живого ощутить — вот, что есть главное в вере несокрушимой! В сердце духовном — то ощутить только и возможно! Тогда уж не усомнится душа, что Бог есть, что Бог есть Любовь, как тому Иисус учил!

И тогда можно перестать «бояться за себя»: бояться за жизнь тела своего.

Можно перестать, бояться и за то, что люди будут думать и говорить о тебе... Слава ли, позор ли, осуждение толпы... Позора да порицания бояться те, в ком гордость сильна! Хвальные слова — гордости нашей приятны! А укоризны — боль ей причиняют...

Всего этого боится тот человек, который о себе самом — главные думы и заботы имеет! Но укреплённая верой и любовью к Богу душа — того уже не страшится!

Есть вера, с которой человек становится настолько полнопредан Богу, настолько Волю Его к себе приемлет, что не боится уже более за себя!

Вот — сам Иисус смерть на кресте принял, которую преступникам за злодеяния определяли. Для нас — принял! Чтобы мы видели Силу Духа Великую! Чтобы — слова Его помнили! Чтобы —

знали, что смерти для души нет, а за порогом сим — Царствие Небесное примет достойных!

И — с радостью смерть мученическую готовы были принять христиане, чтобы воследовать за Господом!

Так вера любое страдание — в очищение и преображение души обратить может. Вот — какова сила веры!

— Но зачем — обязательно мучения, страдания, смерти, которым конца не видно?

— ... Не ведаю... Отчего-то не бывает иначе в мире греховном... Видно, через то — очищение от грехов обретаем, от мира сего — взгляд к Небесам устремляем, в смирении Мудрость Божию понять пытаемся...

... Помолчав, старец Николай добавил, словно отвечая на мысли, что не высказаны были Алексеем вслух:

— ... Да прав ты, Алексей, в думах своих о том, что веруют люди в большинстве своём поглупому... В слепой и фанатичной вере преступления страшные порою они вершат... И тем, что называют «верой своей», те злодеяния они оправдывают...

Не к Отцу Небесному вера таких людей устремлена, не к Иисусу, а к правилам и к обрядам якобы «спасительным»...

Вера, которая проистекает из страха, — делает человека рабом безмыслящим, слепым орудием тех, кто сей страх внушают!

Вера же, которая из любви к Богу возвращается, — приближает человека ко Господу!

Вот и выходят беды на земле оттого, что из страха — вера большинства людей растёт. Дума-

ют, что, если неправильный обряд исполнят, — то гибель их ждёт...

А ещё хуже того думают многие, что казнить тех, кто другой веры, — это есть подвиг, за который грехи простятся...

И есть те, кто безумие свое в людях малоумных поощряют и через то свою власть крепят над богатствами мирскими, над землями обширными. Вот это и есть преступление страшное, грех самый великий!

И не только среди православных такие беды множатся... И латиняне в странах своих инквизицию учинили...

Слабая душа — она боится «не так поверить» и за то в аду гореть вечно! И потому легко злодеям повелевать теми, кто обуреваемы страхами и предрассудками!

А сокрушённая, сломанная вера иногда всю жизнь человека рушит, в отчаяние и бессмысленность обращает. Вот верил-верил человек, а потом сказали ему, что неправда то, как он верил, что вера его неверна была и по-новому верить надо... — и сокрушается вера...

И цепляются люди хоть за какую-то «спасительную», на их взгляд, «правильную» веру...

Слабые душами и скудные умом ощущают себя потерянными, если то, во что они верили, вдруг называют ересью, заблуждением, преступлением. Оказывается такой человек перед выбором непосильным: кому теперь верить — не знает. Потому, что вера такого человека была не глубока. И такую веру переменить на новую и пойти за другим лидером хочет скорее такой человек, и

в «спасительность» новых обрядов верить хочет скорее начать...

Легко сокрушается вера, если нет в ней любви к Богу и глубины понимания!

А Суть веры несокрушимой — это сам Бог!
С такой верой — ничто не страшно!

Глава шестая: Разбойники

Раз в год, в летнюю пору, отправлялся Алексей в город, где была торговля солью. Городок сей на пути в Сибирь вырос вблизи месторождения соли, и потому имел развитие торговое.

Покупал здесь Алексей то небольшое, что в их со старцем Николаем жизни необходимо было. Также — письма отправлял, что старец велел, и от других людей из деревни прошения брал, если были таковые, — чтобы отправить. На эти несколько дней в городе он останавливался у местного дьяка или у воеводы. Составлял бумаги различные многим людям, приходящим со своими проблемами, и за то имел запас чернил, бумаги да немного денег — на нужды их со старцем насущные: ту же соль, например, чтобы грибы да овощи на зиму запастись.

А в этот год летом это не довелось сделать.

Была уже поздняя осень, когда Алексей, завершив все хозяйственные дела в скиту, отправился в город. Там всё сладилось успешно.

Обратно возвращался Алексей в радостном расположении духа. На сердце легко было от ощущения, что малая толика пользы была людям в его советах, что помощь, хоть и не великая, бы-

ла от дел и слов его для людей, с которыми он беседы имел.

Погода стояла ясная, первый морозец прихватил раскисшие было от дождей дороги — и шагалось легко.

Солнышко — словно в прощальной ласке — лучами гладило последние золотые листочки на берёзках...

... Разбой на дорогах был в те времена неувидителен.

Бежали люди в леса с каторги, бежали от повинности воинской, бежали из монастырей и скитов от жестоких устоев веры новой или фанатизма веры старой, бежали и от лютости помещиков и новых заводчиков горного дела. Находили убежище они в таёжных лесах, а некоторые из них сбивались в шайки и искали поживу на дорогах торговых.

* * *

На Алексея напали четверо разбойников.

Грабители озлились из-за того, что взять у Алексея было нечего... Соли немного да бумага — и всё. Они стали его жестоко избивать, вымещая злобу свою на весь белый свет и за жизнь свою поломанную, безнадёжную...

Затем бросили тело избитого до полусмерти Алексея в овраг...

— Добить бы надо! Донесёт, сыск учинят! — произнёс главарь разбойников.

— Да ладно! И так везде ищут! А грех убийства на душу брать не хочу! — ответил широко-

плечий с мрачным взглядом разбойник, самый рослый и сильный из нападавших.

— Тоже мне, праведник выискался! Чистеньким хочешь остаться? — Не выйдет! — со злобой сплюнул главарь.

Он протянул широкоплечему топор:

— На вот, добей!

... Алексей спокойно и ясно вдруг понял, что вот он — час смертный. Смерти он не испугался. Он даже как-то обрадовался тому, что вот ныне всё закончится и он, быть может, увидит Иисуса, узнает всё, что не ведал, но хотел бы знать, поймёт то, что ныне ещё не понято...

Он произнёс, обращаясь к разбойникам, слова о том, что прощает им причинённую ему боль и смерть телу его, которую они замыслили.

Алексей стал произносить молитвы о прощении грешникам их неведения, того, что творят. Понимание, что сейчас его молитва за сих заблудших есть то малое, что он может делать, добавило спокойствия. О вразумлении и спасении душ грешных, потерявших способность любить во тьме духовной, потекли слова Алексея из глубины души. Он обращался к Иисусу, Который — Единственный, наверное, знает, как помочь им, этим несчастным...

Разбойник, стоявший с топором в руке с удивлением слушал, потом опустил топор:

— Не смогу, сам прикончи этого блаженно-го...

— Что? Обрато к «раскольникам» тебя потянуло? Где же она была, твоя «вера», когда ты ко мне пришёл? Смотри-ка, может, вот его Бог

спасёт за то, что он монах и «щепотник»³ и не двуперстием крестится? Или не спасёт? Ну? Испытаем? В моих руках — ныне его жизни!

... Главварь подошёл, сам взял топор, хотел размахнуться и... вдруг встретился глазами с ясным, словно сияющим и удивительно спокойным взглядом Алексея.

Он удивился и тоже не стал добивать...

Трое сообщников молча смотрели на происходящее.

Вожак спросил Алексея:

— Коли ты смелый такой, пойдёшь к нам в шайку? Жить тогда оставлю! Мне смелые нужны!

— Нет, не для того жизнь дана...

— А ты что — знаешь, для чего?

— Вот сейчас — на «том свете» — может, и узнаю...

... Главварь сплюнул, выругался..., но убивать не стал.

Алексея, истекающего кровью, оставили медленно умирать в овраге...

Он с трудом дополз до дороги и потерял сознание.

* * *

Нежданный, неопиcуемый и блаженный покой охватил Алексея. Ощущение тела с его болью исчезло...

---

³ У «старообрядцев» — бранное прозвище православных «новой веры», которые крестились щепотью, т.е. троеперстно.

Алексей увидел в колышущемся пламени свечей лик Иисуса на иконе. Сей лик вдруг словно оживать начал. Иисус улыбнулся Алексею и протянул к нему Руки! Алексей потянулся к Нему, но не мог дотронуться... словно прозрачная стена отделяла...

Он видел, как шевелятся губы Иисуса: «Я жду тебя, сын Мой, но не теперь: много тебе ещё познать и совершить нужно!»

... Услышал или просто понял эти слова Алексей... А Иисус всё смотрел — и душу наполняла Любовь Иисуса! И Алексей знал, что именно эта Любовь Иисуса — и есть Самое Главное!

Потом он уже ничего не видел и не ощущал...

* * *

Старец Николай вышел из скита впервые за пятнадцать лет.

Пришёл к той избе в деревне, где у хромого старика была единственная на всю округу лошадинка. Просил запрячь:

— Ляксея поеду искать, беда с ним учинилась, запрягай, Христа ради!

... Мрачный хозяин лошадки без возражений запряг в телегу свою тощую кобылу. Сам поехал со старцем.

... Они нашли Алексея. Первая позёмка уже припорошила дорогу.

Они нашли его — ещё живого. С трудом подняли тело и уложили в телегу.

— Не жилец, — мрачно покачал головой хромой старик... Но снял с себя телогрейку и укрыл Алексея.

Тронулись в обратный путь.

Старец Николай молчал. У него на коленях покоилась голова Алексея. Он бережно придерживал его тело: телегу сильно трясло на замёрзших ухабах.

Смертельно бледное лицо Алексея было на удивление спокойно и прекрасно... Струйки запёкшейся крови из под светло-русых прядей как бы даже украшали лицо...

Перед старцем Николаем словно сам собой возник лик Иисуса с проникающим в глубину души взглядом. Старец Николай смотрел в глаза Иисуса и молил: «Пусть всё по Воле Твоей будет, Господи!»

* * *

Алексей выжил, но поправлялся медленно.

Старец Николай ухаживал за ним, как за дитём малым. Кормил с ложки.

Подолгу стоял он перед иконой, и в светлых глазах часто блестели слёзы...

Иногда он садился рядом, и они вели беседы.

То время запомнилось Алексею покоем и счастьем, несмотря на медленное восстановление здоровья телесного.

Он почти не ощущал тело, а душа ликовала оттого, что ему — Иисуса даровано было увидеть!

Рассказал он старцу Николаю о том:

— Может, это — только видение, бред от болезни всего лишь... Но как вспомню — сердце счастьем наполняется!

— Не мне о том судить... Вот — Иисус тебе жизнь сохранил, Себя явил — и, стало быть, есть для того причина... Ему — то ведомо, а не нам, грешным...

А что Иисуса зрил — то в сердце береги. А людям зря не говори о том...

Испытания, включая немощи плоти, часто даются нам для вразумления и укрепления духа!

А смерть свою так близко увидеть — сие есть дар великий от Бога!

Хорошо — так подвести итоги прожитого и доверить Господу будущее!

Глава седьмая: Жизнь без старца Николая

В молитвах и трудах простых проходила жизнь Алексея.

Долгая зима, чүдная весна, короткое лето, осень, за которой вновь наступала суровая зима... Вновь и вновь нужно было находить в себе всё более Божьего Света и всё менее печалиться о несовершенстве сего мира.

Постепенно всё более наполнялась такая жизнь Алексея Присутствием Божиим!

Старец Николай стал совсем слаб телом...

Бывало, Алексея попросит, чтоб помог с ложа подняться и на колени пред иконой опуститься. А бывало, что и вовсе на молитву не вставал.

Стал он — словно прозрачный, будто уже в теле душа не держалась более, а переместилась совсем в иной мир.

Светлая улыбка на устах старца была всё время, словно видел уже он обитель райскую свою...

Так вот, тихо, с улыбкой на устах — и отошёл он из этой жизни.

... Словно осиротел Алексей без старца Николая.

Он с трудом привыкал к полному одиночеству.

Пока рядом был старец Николай — всё было проще!

Старец руководил распорядком всей их жизни. И было ощущение, что с каждым днём приближаются они душами к Царству Небесному.

А в одиночестве — сохранять ровный покой молитвенного предстояния пред Богом и размеренность в жизни своей — не получалось у Алексея.

Иногда он весь пламенел в горячей любви к Богу, жизнь была наполнена ощущением Присутствия Бога рядом! И казалось, ещё чуть-чуть — и раскроются пред ним все тайны непознанные!...

Но потом вновь наступало ощущение, что упускает он то главное, что сделать должен, что впустую силы тратит, что добра и любви на Земле от его трудов духовных не прибавляется, никому из чад Божиих тепла и света не прибывает!

Всё строже стал Алексей посты блюсти, всё аскетичнее стал он жизнь свою делать. Измождал тело голодом и молитвами непрерывными, рвался постичь мир Божий.

Мысли о смысле собственной жизни, о назначении бытия здесь на Земле — вновь и вновь наполняли Алексея неудовлетворённостью от одиноких подвигов монашеской жизни.

Ведь хотел он не себя одного «спасать», когда путь монашеский принимал! Для Бога и для людей жизнь свою посвятить он мыслил!

Он вновь и вновь читал Евангелия, пытаюсь приложить к своей жизни то, что говорил ученикам Иисус.

И принял Алексей решение начать помогать тем людям, что в окрестных деревнях жили.

Прежде он того тоже хотел, да старец Николай отговаривал: «Не понуждай людей по вере твоей жить, по твоим помышлениям веру иметь! Каждый за себя сам ответ пред Богом держит!»

Теперь решил Алексей не стремиться наставлять людей в жизни духовной проповедованием, а просто помогать в том, в чём те люди нужду имели: «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:40).

И стал он вдовам, старикам немощным простую посильную помощь в их жизни тяжкой оказывать. Крышу текущую подправит, колодец вычистит, дров наколет, прошение напишет...

Определил он это сам себе послушанием монашеским. И радостнее ему стало от радости и удивления тех людей, которые уже ни от кого помощи не ждали — ни от Бога, ни от людей.

Глава восьмая: Исцеление мальчика

Однажды заболел тяжело мальчик Тимофей — старший сын той женщины Ефимии, которую старец Николай окрестил когда-то.

Ребёнок был в беспомощности. Тело полыхало от жара, который не спадал уже не первые сутки.

Дочь Ефимии Дуняша, подсобляла по дому, заботилась обо всём, а сама Ефимия — словно сломалась... Она смирилась со смертью сына и лишь винила себя во грехах и причитала тихонько, стоя на коленях перед иконкой.

Алексей же решительно боролся за жизнь ребёнка...

Он принёс мёд, велел заваривать травы, которые ещё старец Николай сушил и учил готовить от разных хворей.

Сам Алексей молился неустанно и пытался через руки пропустить Тот Свет Божий, что ощущал в сердце духовном...

Иногда ему казалось, что только его руки ещё удерживают жизнь в теле ребёнка... Но чудесное исцеление по молитве не происходило...

Алексей видел Свет Божественный и ощущал Присутствие Божие как никогда ясно! Все силы свои он пытался вложить в молитвы... Но мальчик продолжал бредить... Он то хрипел и задыхался от кашля, то слабо стонал, то впадал в ещё более глубокое беспомощность, и, казалось, что вот сейчас и расстанется душа с измученным болезнью телом...

Жизнь мальчика словно держалась ещё теми усилиями, которые Алексей прикладывал, но всё время было ощущение, что ещё чуть-чуть — и она оборвётся...

Алексей продолжал молиться — горячо, из последних сил. Он уже почти не надеялся на чудо, но упорно продолжал:

«Иисусе! Что я делаю не так? Вот — я вижу Свет Твой и знаю, что Ты Вездесущ и Всесилен, Заботлив и Милостив! Отчего не исцелишь ты мальчика? Если причина того — гордыня моя, что восхотел я сравняться с апостолами Твоими в умениях великих — то меня за то покарай, а не дитя! За моё несовершенство — не наказывай его! Или слаба вера моя? Но ведь не виновен ребёнок болящий — в несовершенствах моих! Отчего не позволяешь Силе Твоей исцелить его? Ведь Всемогущество Твоё не знает границ!»

Алексей укорял себя, когда отвлекался от стандартной молитвы — на вольное обращение к Иисусу. Потом вновь и вновь молился, потом пробовал устремлять свои дерзновенные воззвания к Отцу Небесному, пробовал вспоминать всех Святых, по молитвам которых, как сказывают, происходили чудесные исцеления... Присутствие Божие было таким сильным и ярким!... Оно словно нарастало, приближалось!... Но чуда не происходило...

Внезапно в дверь постучали.

Отворила, даже не спросив «Кто?», Дуня, сестра болящего мальчика.

На пороге стояла удивительной красоты молодая женщина.

Алексею показалось, что Сияющий Свет исходил от незнакомки. Или — это просто сквозь дверной проём в духоту избы ворвался свежий морозный воздух и солнечное сияние засверкало вокруг вошедшей?...

Незнакомка поклонилась хозяевам земным поклоном, коснувшись кончиками пальцев пола.

Алексею показалось, что она напряглась на мгновение, разглядывая его монашеские одежды...

Потом сказала спокойно мягким грудным голосом:

— Меня зовут Рада, я — знахарка. Вылечу я мальчика.

... Алексей, шатаясь от усталости, поднялся с колен, уступая место у ложа больного.

Рада подошла. Сняла одежду уличную и осталась в рубаше светлой до пола, с красной вышивкой по вороту и по рукавам; одеяние было перехвачено на тонкой талии кушачком тканым. Густые русые волосы её были заплетены в косу ниже пояса. Глаза — серо-голубые спокойные и ласковые. Лишь на мгновение Алексей встретился с ней взглядом, а запомнил до мельчайших деталей прекрасный облик.

Рада подошла к больному, наложила руки на грудь и на голову ребёнка. Несколько минут стояла так, тело её будто замерло.

Алексей увидел Свет Божественный — яркое Сияние Бело-золотистого Света заполнило всё. Этот Свет струился сквозь тело Рады и наполнял тело больного мальчика.

Алексей вышел в сени и опустился на лавку... Свет нематериальный был везде вокруг и не

прекращал сиять. Алексей словно провалился в этот Свет. Всё исчезло из его восприятия в Покое и Блаженстве Света... Он знал, что всё теперь будет хорошо...

Алексей проснулся оттого, что его за рукав трясла Дуняша:

— Тишка поправился! Совсем-совсем здоровый! Глянь, глянь! Бог помог! Ты лечил, потом Рада вылечила совсем! Мамка не плачет больше! Ты только глянь!

... На постели сидел улыбающийся Тишка. Ефимия хотела кормить его супом с ложки, но он сам стал есть... Женщина утирала слёзы счастья.

— А где же знахарка, где Рада? — спросил Алексей.

— Ушла ещё ввечеру. Как жар у Тишеньки спал — так и ушла... Сказала, что вылечила. Мы боялись, что утром худо снова может быть, а он, вона, здоровый совсем! Она так и сказывала, что здоров будет! Чудо Господне сотворилось!

Мать мальчика Ефимия перекрестилась и истово зашептала молитвы.

Алексей сам тоже опустился на колени перед иконой и благодарил Бога за явленное чудо.

* * *

Потом он медленно шёл к скиту и всё думал о той, которую звали Радой, о той, которая с лёгкостью совершила исцеление умирающего ребёнка подобно Иисусу и Его апостолам:

«Значит, это — возможно! Кто она? Откуда? Кто научил её сему? Можно ли сему научиться?»

Часть вторая Рада

Глава первая: Детство Рады

Радомир обнял свою маленькую дочку, поцеловал, погладил светло-русые волосы и посадил на своего коня. Рада смотрела на отца недоуменно.

«Как же ты повзрослела! Красавицей вырастешь!» — думал Радомир. Но сказал спокойным голосом совсем иное:

— Поспеси к дедушке! Скажи, что Я прошу всем уходить! Быстро уходить! Он знает, что надо делать!

— А ты?

— Скачи, дочка! Скачи — быстро-быстро! Скачи!

... Радомир свистнул коню особым образом — и конь помчался.

Рада ещё раз обернулась и увидела, что её отец уверенно и медленно отправился туда, где были слышны крики.

Он шёл, а над Ним был огромный купол Божественного Света-Огня, Который словно защищал от беды и Раду, и всех людей общины...

Он шёл туда, где смерть ждала Его тело. Он знал это, а маленькая Рада ещё не знала, но ощущала, что вокруг всё — вдруг — стало совсем не так, как должно быть в мире любви и гармонии,

света и радости, в котором она жила и росла до сего дня...

Таким она и запомнила отца: спокойный, сильный и соединённый с Божественным Огнём, с Силой Бога — Он шёл на смерть, чтобы не погибли в страшных мучениях под пытками Его начинающие ученики и чтоб успели уйти от надвинувшейся опасности все люди их общины.

Уже потом, когда Рада стала старше, она узнала подробности. Радомир пришёл Сам в то поселение, куда уже вошёл вооружённый отряд во главе с воеводой и архиереем, посланный «разобраться»: кто это «ереси» проповедует, народ «мутит»...

Они угрожали пытками — чтобы люди выдали того, кто учил их. Радомир же пришёл к палачам Сам — чтобы никто не погиб, не пострадал и чтобы его община успела уйти из этих мест, никем не замеченная, не выслеженная. Сделал Он это — ценой собственной жизни.

Дед Рады Благодар, старейшина общины, тогда сумел в считанные часы собрать всех людей и увести от гибели, укрывшись в труднопроходимых лесах бескрайней земли русской. Они ушли очень далеко от тех мест, где Рада родилась и выросла.

Раде тогда было всего восемь лет.

* * *

Рада, сколько она себя помнила, всегда ощущала отца самым главным человеком в своей детской жизни. Мать Рады умерла вскоре после того, как Рада родилась. Радомир — со всей Сво-

ей заботой и любовью — стал Раде сразу и ласковой матерью и заботливым, мудрым и сильным отцом.

Он постепенно открывал Раде для познания весь мир со всей его гармонией и красотой. Всегда рядом, готовые поддержать в любой момент — были Его руки — такие сильные, нежные, надёжные!

Радомир Сам учил дочку всему с младенчества: ходить, говорить, думать, смотреть на мир глазами души, искать самой ответы на те вопросы, которые у неё возникали. Он научил Раду быть отважной и ловкой, как учил бы сына, которого Ему не успела родить Его любимая жена. Он учил Раду и тому, чему обычно учат девочек матери. А Рада — любила заботиться о своём отце, стараясь изо всех сил быть умелой и расторопной хозяйкой в их доме.

Радомир был единственным сыном главы общины старейшины Благослава.

Община их была особенной. Жили они так, как на Руси ещё до пришествия православия во многих родáх и общинах было заведено. Традиции и знания с древних времён старались хранить люди их общины уже много столетий — из поколения в поколение.

Но не просто было так жить. Общин таких уж и не осталось больше, а если и были где-то, то не ведали про это Благослав и его общинники. А за верования, которые именовали ныне «языческими», могли общину изгонять с мест поселения, а то и хуже — карать пытками и смертью как «еретиков». Поэтому жили они в лесах глухих и безлюдных. И всегда сторожили покой семей силь-

ные ратники. Наблюдали они за окрестностями с высоких деревьев или на конях объезжали округу. В случае «нежданных гостей» готовы были они отвести их от поселения или успеть предупредить всех об опасности.

Радомир иногда брал Раду с собой в такие сторожевые дежурства. Рада особо любила такие их «важные дни».

К тому времени она уже научилась и на коне верхом скакать, и ходить или сидеть в укрытии так тихо, что никто не заметит.

Научил Радомир дочку и примечать всё, что может узнать человек от леса: и следы зверей и птиц, и голоса их, и приметы разные в поведении лесных жителей. Учил Радомир и тому, как обитателей леса не тревожить, доверие их заполучить. И — как по их поведению многое о происходящем вокруг узнавать.

А когда они смотрели вдаль с высоких холмов или оставались ночевать на специальных площадках на вершинах огромных деревьев, с которых видно было на многие вёрсты, то казалось Раде, что вся Земля открывает ей свои просторы бескрайние, свои тайны волшебные.

Особенно Рада любила одну из таких сосен. С её вершины все окружающие деревья казались подобными зелёным волнам, а дальше — открывались заливные луга и пойма реки с причудливым узором русла.

* * *

Однажды они с отцом остались на этой вершине сосны на всю летнюю ночь. Погода бы-

ла ясная, почти безветренная. Звёзды сияли, казалось, особенно ярко. Невероятно красиво освещала взошедшая луна вершины деревьев. В лунном сиянии волшебю серебрилась туманом река.

Радомир расстелил на деревянном сторожевом помосте на вершине сосны свой плащ и укутал им Раду от ночной прохлады:

— Поспи, дочка! Утром разбужу тебя раненько, солнышко встречать будем!

... Но Рада не могла заснуть. Она лежала на спине и любовалась на звёздное сияние. Её переполняли восторг и благоговение. Тихонько она взяла Радомира за руку:

— Папа, а кто всё это сотворил — всю эту красоту?

— Бог!

— А как?

— Своей Любовью и Силой! Во всё существующее — Он вложил Частички Себя, Своих Живых Энергий. В разной мере уплотняя Их, Он создал всё.

Он всё это вначале придумал, а потом дал словно бы толчок к тому, чтобы всё здесь явилось, жило, развивалось и совершенствовалось по Его Замыслу! Во всём, сотворённом Им, есть Частички Его Любви и Бесконечной Силы!

— Какой же Он — большой и сильный, если такое смог!

— Бог так — много раз создавал миры прекрасные! И потом — из каждого такого мира — в Него, Отца-Создателя, возвращались Великие Души, которые выросли до Своего Величия в тех мирах. Они вливались в Него, как вот эта река

вливается в море. Река и море — на просторах морских — становятся *одно*.

... Рада вспомнила, как они однажды ездили с отцом смотреть на море. Были там Северное море — и спокойная река, которая становилась в этом месте *одно* с морем... Тогда Рада совсем не думала про то, как сливаются воды реки и моря. Она лишь любовалась великолепием простора, чайками парящими...

А сейчас отец помог ей вспомнить то, что запечатлелось душой тогда — как величественная красота — сильно и ярко.

Радомир продолжил:

— Вот так же, как река становится морем, так все Великие Души становятся *Одно* с Богом-Создателем. Мы Их можем называть Богами. После соединения с Создателем — Они могут творить Общей Силой, создавая миры прекрасные и осуществляя другие дела Божественные — большие и не очень большие.

И каждый человек может постараться стать таким Представителем Бога, Который виден подобно огромному Божественному Солнцу.

— И Ты станешь?

— Постараюсь!

— И я тоже?

— Если захочешь. Человеку даровано Богом право выбирать, как ему и для чего жить.

Я тебе говорил уже, что в каждом существе есть Частичка Энергий Божественных. Эту Частичку и может вырастить в себе человек до Огромности. И может такой человек начать учиться всему тому, что умеет Бог.

— А где во мне Частичка Бога?

— Вот здесь, в сердечке духовном, там — где любовь рождается. Ты можешь себя в нём для начала научиться ощущать. Это — центр особый, где человек может видеть и слышать Бога, ощущать Его Любовь.

— Да, я помню, как Ты объяснял про это. Вот и сейчас — так много такой Любви: и во мне и везде-везде вокруг!

— Самая великая Сила во вселенной — это Сила Любви! Этой Силой — всё создается.

— А как?

— Ну — вроде так же, как и ты дела совершаешь. Вот — ты сама задумала дело какое-нибудь, а потом любовь и силу души и тела в то, чтобы осуществить это дело, вкладываешь. Так же — и Бог. И выходит, что ты уже можешь у Бога всему начинать учиться. Только Бог знает и умеет — намного больше нас!

... Радомир такими простыми словами всё объяснял и состоянием Себя-Души помогал Раде начать понимать и познавать Тайны Мироздания.

... А утром они встречали рассвет. Над простором, залитым утренним туманом, который был нежным и золотисто-розовым, бескрайним, как море, — восходило солнце! То было Величие Красоты и Тишины!

... Всё это, вместе с памятью о словах отца о *Божественном Солнце*, было столь значимо для Рады!

А Радомир — в той *Тишине* — произнёс тогда ещё всего несколько слов о том, что в сердце духовном человека — вот так же прекрасно — может сиять любовь — подобно восходящему

солнцу, которое ласкает всё живое своими лучами.

* * *

Так росла и училась Рада.

Многое ещё рассказывал Радомир дочке о Боге-Творце, о живой Земле-Матушке — доме для всех на ней живущих детей Божиих! Все эти знания вплетались в самую жизнь Рады — и не казались ей чем-то... странным и необычным.

О своих «взрослых» делах, на которые Радомир порой отлучался надолго, он тогда не рассказывал маленькой Раде.

А дело, задуманное Им, осуществлялось не просто. Обучал он людей других селений — Знаниям о Боге, которые постепенно утрачивались на Земле на фоне жестоких религиозных репрессий...

Некоторые из тех учеников Радомира со временем становились общинниками в их духовном сообществе, которое было скреплено жизнью по Законам Божественным.

В то время, о котором идёт речь, невдалеке от их общины остановились лагерем бежавшие от расправы староверы. Они остались без старейшины-духовника, который их предал. Сами же они не приняли «новую веру», хотели сохранить *верность Богу*, как они её сами понимали. Они решили укрыться в лесу, но о том, как жить духовно дальше, — не знали.

Старейшина Благодар принял сразу тех людей в свою общину не хотел, но позволил сыну помогать им и учить их.

— Если выучишь достойно — тогда посмотрим, какую судьбу им Бог уготовил.

... Да только всё закончилось не так, как задумывалось. Учеников только из своей общины удалось спасти Радомиру, хотя и их научить многому Он не успел. А сама община — лишилась обжитого места, и теперь они шли на восток дальше и дальше от поселений любых, от городов и сёл...

Шли — уже без Радомира...

* * *

Тяжёлым был путь. Взяли лишь самое необходимое...

Никаких телег. Лошади шли в поводу, нагруженные, насколько было возможно. Пробирались по чащобам.

Старейшина Благослав не показывал, как было ему тяжело. Вёл людей он твёрдо, своей силой и волей направляя и само продвижение, и всю жизнь путившейся в скитания общины.

На его памяти это было уже не в первый раз... Но так трудно, как теперь, ещё не было никогда...

Он не долго колебался, совершая выбор между тем, чтобы увести людей — или попыткой, собрав всех мужчин общины, попытаться спасти своего единственного сына... Но тот сделанный выбор создал в душе болящую незаживающую рану... Он ясно понимал, что не смогли бы они противостоять войску — и погибли бы тогда все. Он принял единственное правильное решение... И вот они теперь шли, шли, шли...

... Рада спросила деда об отце:
— А папа — скоро нас догонит?

... Дед обнял её, посмотрел в глаза, сказал тихо:

— Ты уже взрослая стала, Радонька моя! Ты должна понимать: не догонит нас твой папа! Он уже прежде нас оказался там, где души без тел живут, где мама твоя живёт. Там — теперь и Он... Одни мы с тобой из всей семьи нашей на этом свете остались, внученька!

... Так вот и закончилось для Рады беззаботное детство...

Глава вторая: Есть ли смерть на самом деле?

Смерть единственного сына наложила на старейшину Благослава свой тяжёлый отпечаток. И не только на него одного, но на всю жизнь общины. О помощи другим людям — Благослав теперь даже мыслить не позволял, к деревьям близко приближаться не велел!

Они жили ещё более скрытно, чем прежде, прятались в глухих лесах далеко от поселений и проезжих дорог.

Сам Благослав стал не просто строг. Заслушание — выгонять из общины он был готов без жалости к провинившимся. Сего боялись. Боялись остаться в одиночестве, без общины. Поэтому теперь перечить старейшине и в малом даже не смели...

Духовная жизнь общины тоже словно потухать стала — из-за страха того, который, словно

ржавчина, неприметно в душах людей прорастал...

Вроде всё по чину, по согласию шло... Но забота о том, как самим выжить, как укрыться от преследований, — стала главной заботой в жизнях людей...

Благослава слушались беспрекословно во всех вопросах, касающихся жизни общины. Строгости его остерегались, возражать ни в чём не смели, даже если и не согласны в чём-то были люди.

Рада же к строгости деда относилась проще, словно не касалось её это. Ослушаться могла, наказана могла быть за какое-нибудь своеволие своё небольшое. Но не было в ней страха вовсе! Деда она любила, боль его о Радомире понимала...

* * *

Своего отца Радомира Рада теперь видела часто: любовалась Его Светящим Обликом, ощущала, как и прежде, Его Руки из несущей Свет и Великую Любовь Силы — протянутыми к ней... Они оберегают, готовы в любой момент поддержать, обнять, направить...

В первый раз она так увидела Радомира вскоре после гибели Его тела.

Благослав остановил их тогда на ночлег и отдых во время сильного дождя — в большой пещере, кем-то прежде вырытой в крутом обрыве.

Был поздний вечер. Все уже улеглись спать, утомлённые дневным переходом.

Рада проснулась и заметила как дед вышел наружу один. Пошла следом посмотреть, что случилось. Она остановилась у выхода из пещеры и сквозь пелену дождя увидела скорбную фигуру деда около реки. Он стоял под холодными струями дождя и плакал.

Рада уже умела воспринимать и понимать души. И деда она всегда очень ясно ощущала... Сейчас она знала, что там, рядом с бурлящим потоком, стоит он и рыдает о сыне погибшем, подставляя дождю лицо, с которого холодные струи смывали жгучие слёзы... Просит он Бога о помощи в тяжком пути их в неведомые края...

Рада хотела подойти, чтобы утешить деда.

И тут она увидела Радомира — так ясно увидела, что бросилась обнимать. Да только её руки проходили сквозь сияющий нематериальный Облик.

Радомир сказал ласково:

— Ты руками не тела, а души — обними!
Помнишь, как Я тебя этому учил?

... Рада замерла в такой знакомой нежности отцовских объятий... Хотя теперь это были Его Руки, состоящие не из плоти, а из Божественного Света!

— Значит, Ты — не умер?

— Тело земное пришлось оставить, доченька. Но Я — всегда с тобой есть и буду!

— А дедушка — отчего он тогда так плачет?
Я скажу ему, что Ты — здесь?

— Погоди немного: Я Сам ему скажу!...

... С той поры Рада всегда могла с Радомиром поговорить, совет спросить, рассказать о пе-

чаях и трудностях, о радостях и открытиях своих.

... Однажды, уже когда на месте новом обустроились, она деду о том рассказала.

Он строго головой покачал:

— Да, живы души без тел, внученька! Да только мечтаниям своим и фантазиям — волю не давай! В мире видимом и осязаемом жить тебе надо учиться, а не видения всякие разглядывать!

— Это папа-то — «видение»? Ты же тоже можешь — душой видеть? Отчего же мне не веришь, что я вижу и слышу папу?

— Веришь, не веришь — вот заладила! Верю я тебе! Верю! Но теперь — я тебе слушаться меня во всём велю! Иди лучше огород полоть!

... Больше Рада не рассказывала деду об отце, но Радомира она звала часто и разговаривала с Ним. И было то — самым надёжным утешением и защитой от печалей и трудностей в жизни её.

* * *

Благослав тоже мог видеть Сына, мог с Ним беседы вести... Они беседовали нередко. Да только не было в этом ему такого покоя и счастья, как Раде.

Бывало, что спорил он с Сыном.

Радомир стоял перед ним в теле, состоящем из Света, а Благослав ворчал на Него, словно отчитывал непослушного:

— Ты вот — зачем умер?! За тех, кто и не нашего рода-племени, за чужаков — жизнь отдал!

— Неправда: сам ты ведь знаешь, что не умер Я, а лишь тело оставил! Сам понимаешь, что если бы не пошёл Я Сам туда, — не успел бы ты людей спасти! И учеников Моих — лютые пытки бы ждали! А так — ведь обошлось!...

Знаешь ведь, отец, что не страшна смерть тела — для постигшего Единство с Богом!

— Может, и знаю, а может — ещё и нет... Тебе «с той стороны» легко говорить! А мне — это неведомо пока: сумел ли я достичь... Смерти — да, не боюсь уже давно, но Твой уход для меня — горе великое!

— Какое ж это — горе?! Вот же Я, ты и слышать, и видеть Меня можешь!

— Иногда могу, да... А вот на покой — спокойно уйти не могу! На кого общину оставлю? Кто Раду вырастит?

Не дело это, чтобы дети прежде родителей своих уходили! — вздыхал и ворчал по-стариковски Благодослав.

Говорили они часто и про Раду, про её воспитание.

Благослав всё упрекал сына:

— Вот дочь сиротой оставил! На кого?

— На тебя, отец! Ты её учить теперь должен!

— Мала она ещё...

— Нет, не мала! Она — Великой Душой будет, Силы Великой! И должна она стать *Несущей Свет* людям! А для этого — тело, ум, эмоции — в полном согласии с Богом возрастать должны!

Раду ты учить должен — по-настоящему учить! А ты — всё делаешь, чтобы Божественные способности души она позабыла!

— Да, делаю! И дальше делать буду! Ты бы Сам лучше рядом был и дочь учил! Что мне теперь указываешь?! Не хочу, чтобы и её — твоя судьба постигла!

— Не указываю, отец! Прошу! А просьбу сию не слушаешь — требовать стану! Потому как — не моя на то воля, но Божия! И, если не станешь внучку учить — не приду боле к тебе!

... Грозный для всех в общине с несгибаемой волей старик обхватил руками голову и застонал, как от боли.

— Ну, полно, отец! — его ласково обнимал Свет Радомира: — Нельзя затапывать ростки, что к свету тянутся! Учи Раду, а Я — помогать стану!

Ты ведь и сам понимаешь, как сложно разъяснить то, о чём воплощённая в тело душа умом не ведает. Без тебя — научить Знаниям Великим — не получится!

Сохранять нам с тобой надо сокровища Знаний Божественных — чтобы людям их вновь искать с трудами непосильными не пришлось!

Ведь не для того мы общину бережём, чтоб жизни земные людям продлить! Но для того, чтобы Мудрость и Ясность Божественного мира открыть тем, кто хотят и способны вместить!

Сам видишь, какие времена настали... И, если не начать работу по возвращению душ молодых, которые смогут воспринять Божественные Мудрость, Любовь и Силу во всей полноте, — то и не наступит на Земле та Заря Светлая, о которой мы заботиться призваны!

Ты прости меня, отец! Знаю, что тяжело тебе...

Но теперь ты, а потом и Рада — свои судьбы в Жизнь Бога вплести должны! Осознанно можно начать делать то, что Бог хочет через вас осуществлять! Это — не простой Путь! Не для слабых духом такая жизнь с Богом!

Но вам — посильно удерживать Пламень Божий в себе и зажигать Свет Божественный в других душах людских!

Глава третья: Уроки старейшины Благослава. Лад меж людьми и Богом

Благослав начал учить Раду, но осторожно и очень тихонько. Он пока оберегал её от той силы души, которая в ней уже начинала проявляться.

Теперь они беседовали о важном:

— Вот скажи мне, внучка, что такое — лад?

— Ну, это — когда люди друг с другом в согласии живут. Это — когда человек к другому человеку не просто ласково относится, а понимает всегда, что другому хорошо, и что — похуже. Это — когда желание другого видится без слов и радостно исполнить такое желание! И когда это — взаимно, то, стало быть, в ладу люди живут. Этому меня папа учил.

— А думала ли ты, что в ладу надо не только человеку с человеком жить?

— А с кем же ещё?

— Можно и с растениями, и с животными в ладу жить. Можно — и с Богом в ладу всегда быть!

— Про растения и про зверей да птичек — это понятно: папа мне это тоже показывал. А про Бога — ты объясни. Как можно не в ладу с Богом быть? Разве так бывает?

— Бывает... Когда люди меж собой не ладят, когда они видят лишь ссоры свои, обиды свои, тогда то, что с Богом они не в ладу, — то они обычно и не замечают, даже не задумываются вообще об этом.

Бог же — всё Своё Творение пронизывает Собою и знает в каждый момент всё о каждом.

Если меж людьми неладно или если существа разные, на Земле Богом воплощённые, от людей бедствия имеют — значит люди Божественный лад в Творении поведением своим нарушают. Значит и с Богом — тоже нет у душ таких гармонии.

Потому в себе-душе порядок каждому навести важно очень. Словно в доме своём чистоту мы наводим — так и в мыслях, и в эмоциях нужно навести такой порядок и мир, чтобы любо было и самому человеку и пред Богом не стыдно бы было!

А когда у человека в душе любовь и покой, то вокруг себя он пространство преобразует: лучше и краше делает его — и для себя самого, и для тех, кто вокруг.

Вот смотри, Рада, как ты думаешь: правильно ли это — всем своим эмоциям полную волю давать? Если стало мне радостно и приятно — радуюсь, стало плохо от чего-то — грущу, сержусь, раздражаюсь?

— А как ещё можно?

— Ты, внученька, должна научиться владеть собой. Помнишь ли ты, чтобы папа твой гневался, раздражался, обижался на кого-нибудь?

— Нет, не помню такого.

— Вот и ты так жить учись!

Сила в человеке-душе может быть заложена больша́я — и тогда может она ранить других нечаянно, если не смотрит человек со вниманием: сколько силушки вложено в слова его да в дела его, какие чувствования наполняют его и как он их проявляет.

Вот — муравьишек на их дорожке или птичье гнездо, в травке неприметное, легко повредить, если идти по земле неловко, без разбору ноги ставить!

Ты ведь умеешь смотреть вокруг и стараться не причинить вреда?

— Да, стараюсь никому живому больно не сделать.

— Так и в мире отношений между душами легко нанести обиду, боль причинить напрасную словом или действием, если не смотреть на последствия мыслей да слов своих, если попускать в душу раздражение, гнев, обиды, печали!

Если сильна душа, то даже мыслями и эмоциями своими может она здоровье другого человека поправить — или же, наоборот, повредить, даже не выплеснув в гнев слова недобрые, а лишь думая злое. И, наоборот, если с любовью в мыслях и сердце человек живёт, то и пространство вокруг прекрасным для других и даже целебным становится.

А если с Богом лад у души всегда — то Бог в пространстве том для души Главным Хозяином становится.

Вот и учишь лад, Великим Создателем для детей Своих задуманный, даже в малом соблюдать...

— А как?

— Помнишь, как на рассвете мы вместе солнышко встречали?

Училась ты сердечко духовное светом, подобным солнечному, наполнять, лучиками во все стороны светить.

— Да, мне нравится так делать!

— Когда свет любви сияет в душе и любовь вокруг изливается — это и получается, что с Богом ты в ладу. И всем детям Его вместе с Ним — ты любовь посылаешь! Получается, что ты одно с Богом дело совершаешь!

Когда тебе хорошо — то это у тебя вроде как само-собой получается. А теперь ты, когда захочется тебе обидеться или рассердиться, то тоже вспоминай о своём сердечке солнечном и постарайся из него на всё посмотреть да всё вокруг любить. Тогда сразу пройдут обида или досада!

— Я буду стараться!

... Много предоставлялось Раде случаев учиться так поступать, и не всегда ещё так у неё получалось.

Учил Благослав Раду часто весьма строго. За провинности, даже малые, сурово иногда бранил, за своеволие — тоже бранил, послушания полного требовал.

Бывало ведь, что забудет Рада что-то сделать, замечтавшись. Или ослушается в чём-то по-

веления Благослава. Например, в лесу слишком долго одна гуляет или речку переплывёт и на другой берег уйдёт за травами... Тогда неделю-другую дед с ней слова одного не скажет, на неё даже и не смотрит.

Рада даже Радомиру иногда жаловалась:

— Папа, ну что же дедушка меня всё назидает да укоряет? Сам про любовь учит, а меня — будто и не любит вовсе?

Если что хорошо сделаю — редко когда похвалит. А как ошибусь или не послушаюсь — так как бы сердится, словно я преступница какая... Я же учусь ещё! А он...

А если я хорошее предлагаю, то никогда он по-моему не сделает...

— А ты, доченька, не возражай по пустякам: «хочу!» или «не хочу!»! Ты — слушайся! Коль научишься дедушку слушаться — то и Бога легче будет научиться всегда понимать и слушаться!

— Но я иногда вижу, что дедушка не прав бывает, — и тогда молчать не могу! А он — непрекаем! Всегда, как сказал, — так и будет: к добру ли, к худу ли то приведёт...

— Вот бунтарка выискалась!

Доченька, дедушка твой — он не просто так в своей правоте уверен. Он на себя великую ответственность принял — и за всех людей в общине, и за тебя тоже! Когда это поймёшь — познаешь, чего ему эта его уверенность стоит!

А пока — не противься по мелочам воле его! Если и кажется тебе сейчас, что он в чём-то не прав, то послушание умерит самость в тебе, да и мудрости научит!

На правоте своей тогда́ будешь настаивать, когда твёрдо будешь уверена, что от Бога эта правота идёт, а не от хотений самости собственной! То — твоё маленькое личное «я» вырасти пытается и всем вокруг сказать: «я так хочу!», «я же лучше знаю!», «я и сама понимаю!», «я это умею лучше других!»...

Когда маленькое личное «я» смирится — только тогда сможешь ты твёрдо познавать Волю Божию!

И ещё — должно понимать, когда правота твоя не для тебя одной значение имеет, а для многих людей значима!

Но только в покое ума и в любви сердечной — Голос Бога ясно различим!

— Как твой?

— Да.

— А можно сделать так, чтобы это маленькое противное «я» совсем убрать, чтобы оно жить не мешало, людей меж собой не ссорило?

— А что тогда от тебя останется? Ты — сама подумай!...

Да и ведь не всегда это маленькое «я» — противное! Ты ведь есть растущее сознание! И способность думать, и воля, и эмоции — как раз и составляют тебя-душу, которая ума-разума набирается, любви и доброте учится! Это личное малое «я» лишь тогда может быть убрано насовсем, когда каждую частицу тебя-души Божественное «Я» заменит.

А пока — если научишься видеть в себе проявления «противные», как ты подметила правильно, то можешь учиться не позволять дурной

части себя жизнью твоей командовать! Учись дурное в себе убирать, а хорошее — возвращать!

А то, как хозяйством общины править, — ты сама учись у дедушки! Житейской мудрости он за жизнь свою долгую — много накопил! И ты должна у него многому научиться, а не спорить по пустякам!

И как грибы солить и когда мёд собирать — ведь не повод вам для ссоры!

А то вы про лад великий, Богом задуманный, разговоры важные ведёте, а сами не всегда в ладу жить стали...

— Да..., это так...

— А ещё, пойми, доченька, очень нужны ему твои любовь, нежность! Его суровость — она внешняя: тяжело ведь ему!... И ты ему помогать могла бы не только делами. Твоя любовь — это великая поддержка! А ты — споришь с ним по пустякам! Не дело это!

... И Рада теперь очень старалась помогать Благославу во всём.

* * *

В общине детей было мало, и друзей-ровесников у Рады было не много. Да и детские забавы не увлекали её.

Часто уже не по-детски ощущала она мир и людей вокруг. Многое она уже умела видеть и ощущать душой.

Рада про мир Божественный всё очень знать хотела! Когда кто-то из общинников про свои медитации рассказывал — туда бежала да

слушала. Пробовала их исполнять, как сама понимала.

Потом и деда о том спрашивала.

Но Благослав обычно отмахивался от таких вопросов: рано, мол, тебе про это знать!

А Рада вновь и вновь теперь искала того Единения с Любовью Божественной, от которой лад наступает меж человеком и Богом. Искала — в том числе, в том, что слышала о медитациях и о Боге в разговорах общинников.

Однажды попросила она деда:

— Покажи мне Бога!

— Да вот Он, смотри! — ответил Благослав, шутливо улыбаясь. И рукой вокруг махнул.

Но Рада понимала, что не видит она то, что дед видит и знает.

И не отступилась она:

— Вот Велияр сказал, что мы можем соединиться с Божественной Мудростью и Силой — лишь через предков наших. И что ты должен учить нас медитации «родовое древо», через которую всю силу предков и мудрость использовать все мы могли бы. А ты — не учишь! Скрываешь? Что это за медитация такая?

— Зачем это тебе?! Ты ведь с отцом своим всегда поговорить можешь! Или — у меня спроси! Зачем тебе всякие такие разговоры Велияра слушать?

— Он красиво говорит... Его многие слушают...

Я попробовала такое древо представить, чтобы там все души, кто в роду нашем жили, ощущаемы были... И чем глубже корни того древа, тем раньше, выходит, на Земле те наши пред-

ки жили... Да только как определить, кто первым в роду был? У него же ведь тоже родители были! Стало быть, и нет такого «первого»? И стало у меня такое само собой так получаться, что, чем глубже смотреть, — тем больше родов людских объединяется...

А если образ древа на всех людей распространить, а потом — на всё, на Земле живущее, то и выходит, что все люди, да и все существа другие, — дети Бога. Каждый человек веточкой крошечной на том древе жизни является! Красивым древо, которое я представила, получилось! Одним потоком Божественной Силы всё в нём жило и росло! Папа смотрел да улыбался. А объяснять не стал...

Ты вот мне скажи: стало быть, все народы по Божественной Воле на Земле родились? И все — друг другу родня? Все друг друга любить бы должны? А почему не так всё вокруг? Почему мы укромно живём, от всех прячемся?

— Вот до чего ты сама додумалась! А меня спрашиваешь! Правильно ты всё поняла!

Но ведь и родня в семье одной не всегда ладит! А ты хочешь, чтоб все народы в мире и согласии сразу жить научились!

Вот мы — Бога именем *Род* называем. Но не потому, что один единственный наш род — от Бога. А потому, что Бог — всему существующему есть Родитель.

А ещё именуем Его *Сварогом* — то есть, Создателем, Творцом. Все Души Божественные — в Нём в Единении живут. Но при этом каждая такая Душа может и Свой собственный Лик явить, совет дать, как папа твой, например.

А те, кто сего Единства не достигли ещё, они в других — не-Божественных — мирах живут, снова на Земле родиться должны будут.

И не все родичи-предки людей мудростью и святостью обладают. И не все совет мудрый дать могут...

— А в каких таких мирах они живут? Расскажи, деда!

— Будет тебе про это рассуждать! После поймёшь! Ступай лучше в огород, там сорняки повыросли! Грядки прополи!

— Ну, дедушка! Ну отчего мы теперь так живём, словно кроме заботы о пропитании тел наших — других забот нет? Что не спрошу тебя — ты сразу работу какую-то измысливаешь!

— Ну, раз не хочешь, — иди гулять! А я сам пойду огород полоть.

— Зачем ты так, дедушка? Прополою я огород!

— Пстой, внученька! Сядь вот рядышком, поговорим!

Знаешь, ли ты, что такое голод? Не когда просто кушать тебе захотелось, не когда очищения ради человек пищу неделю-другую не принимает. А когда вся община без еды зимой осталась... Не знаешь! И хорошо, что не знаешь!

А я вот — знаю...

Давно это было, ты ещё и не родилась тогда вовсе... И папа твой тогда ещё ребёнком был... Неурожайный был тот год... А ещё — пожар большой лесной многое загубил... Еле-еле поселение отстояли... А амбар с запасами зерна сгорел...

И грибы — тоже не уродились... Всё, что по осени выросло, — сразу поели наголодавшиеся люди... И не сделали запасов грибов, трав не засушили...

В те времена я ещё не был старейшиной. Но запасы общие зерна, какие удалось спасти от пожара, хранил для общины, потом делил поровну...

Хорошо, что не довелось тебе видеть страдание в глазах матерей, у которых дети от голода плачут и слабеют... У меня тогда сердце кровью обливалось, но понимал, что, если больше сразу раздам, то до весны — все не дотянем!...

Тогда велел всем варить кору осиновою и хвою, а также тонкие ветки ивы...

... Бабушка твоя в тот год ушла. Отца твоего спасала от хвори, от голода, а сама не сдюжила, слегла... Вот тогда я очень многое понял — о себе, о людях наших... Лекарем стать тогда решил.

— Да почему же Бог такое допустил?

— Бог людей по-всякому учит. Иногда ласково и тихонько, иногда — через страдания...

Хорошо верить, что Бог всегда поможет: пошлёт и пропитание, и удачу... Да только, если люди сами о том перестают заботу иметь — то бывают горькими уроки...

Старейшина наш тогда вину свою понял да руки на себя наложил — к весне уж ближе... А остальным — как жить?...

Меня тогда и избрали...

— Ты прости меня, дедушка, я пойду в огород и всё сделаю.

А ты после научи меня лечить болезни! Ты ведь — умеешь!

— Хорошо! Буду учить! Ступай! — улыбнулся внучке Благослав.

* * *

Дед Рады был хорошим лекарем. Много знал он о свойствах растений целебных, многое умел и силой души изменять в энергиях телесных больного. Эти знания передавались из поколения в поколение и сохранялись в их общине столетиями.

Но в общине Благослава люди болели очень редко. Обычно помощь была нужна лишь домашним животным.

Благослав охотно, но весьма не торопясь, начал больше рассказывать внучке о целебных растениях. Они вместе собирали травы, сушили их, потом настои готовили.

А познанию мира Божественного и разных других миров невидимых — не спешил он обучать Раду. Делами же по хозяйству общинному он обучал её и нагружал — как взрослую уже.

Но, всё же, Раду не удовлетворяла жизнь обыденная, почти лишь в заботах по хозяйству проводимая. И она вновь и вновь, стремясь к познаниям духовным, искала ответы на свои вопросы:

— Дедушка, а как ты мысли других людей узнавать можешь, когда они тебе об этом сами не говорят? Этому можно научиться?

— Можно. Да только зачем тебе такое уметь?

— Ну, вот ты же про то, как в ладу со всеми жить, рассказывал... Если понимать, о чём чело-

век думает, что хочет, — то легче будет ему хорошо сделать!

— Человек-душа любую другую душу ощущать может. И растения, и животные, и люди — как души — для другой души всегда ощущаемы могут быть, если любовью и вниманием мы их обнимаем.

Пойдём вон к берёзке той!

... Они подошли к молоденькой стройной берёзке, которая росла невдалеке на пригорке.

— Вот видишь? — какая красавица! Молодая, стройная, листочками шелестит... Немного постарше тебя она. Ты — обними её, ощути, какая в ней жизнь! Попробуй душой — с душой берёзки соединиться!

... Рада нежно обняла белый ствол. Берёзка чуть покачивалась от лёгких волн ветра... Рада ощущала ствол берёзки, её ветви с нежными зелёными листочками... Множество веточек — и все они к небу, к солнышку тянутся!

... Словно издалека донёсся голос деда, хоть он и стоял рядом:

— А теперь ощути её корни, которые берёзку с Землёй-Матушкой соединяют, телу берёзки силы и питание дают!

... Рада с удивлением поняла, что может ощущать пространство ниже поверхности земли. И потом — словно вся планета стала основой, из которой и Рада, и берёзка росли! И всё в жизни этой берёзки Рада ощущала так, словно на время сама берёзкой стала!

— Вот так человек-душа любое существо понять может! Так — и Бога можно научиться понимать!

А про людей так всё знать — не обязательно: не все хотят, чтобы мысли их были открыты... Ты пока учись с деревьями, с птичками дружить, понимать их! А когда надо будет, то и другого человека всегда понять-ощутить сможешь!

... И они пошли обратно к дому.

* * *

Рада часто просила деда рассказывать ей о Боге, о том, как мир Богом управляется. Она всё об этом знать хотела! И Благославу приходилось всё чаще уступать её устремлениям.

Так, однажды на рассвете они отправились из поселения в лес.

Шли они долго и меж собой не разговаривали.

Рада думала, что дедушка покажет ей ещё одно место особое, где будут они растения целебные собирать.

Они пришли к небольшому глубокому и прозрачному озеру невероятной красоты. Небо с лёгкими облачками отражалось в водной глади.

Когда они подходили, то — в какой-то момент — Раде показалось, что они перешли прозрачную границу и вошли в особый волшебный мир. Ничто вокруг не изменилось внешне. Но вдруг — словно Прозрачный Свет, видимый лишь душой, усилился... И наступила как бы сгустившаяся тишина...

Эта тишина пронизывала всё вокруг.

В ней — всё словно замедлилось и растворилось в прозрачном покое...

Стоило посмотреть на травинку — и казалось, что вся её жизнь — *на ладошке души*. Вот — бабочка подлетела и опустила хоботок в цветок, наслаждается нектаром. Вот — зарянка подлетела и села совсем рядом, посмотрела любопытными глазками в глаза Раде и запела. Вот — заяка вышел из леса неторопливой походкой.

Благослав и Рада стояли тихо, не шевелясь, и заяка их не замечал. Посидел он немного — и отправился дальше по своим заячьим делам...

Солнышко поднималось выше — и капельки росы сияли, как маленькие солнышки.

Всё это Рада уже видела не раз, но... не так...

Сейчас она вдруг поняла, что она сама есть составная часть этого прекрасного мира, такая же, как и росинка, как птаха, как заяка. И есть Бог — Великий, Бесконечный, Любящий, Который создал это всё, Который наполняет это всё Своей Жизнью, Любовью, Силой, Красотой!

И можно было наблюдать, ощущать, как Его животворящая Энергия струится и в маленьких травинках, и в огромных деревьях... Всё было пронизано Его Присутствием...

Рада ощутила, что эта Сила наполняет и её саму! И тело, и душа — всё существует лишь потому, что есть Он — Создатель, Родитель, Отец и Мать!

Тишина, была наполнена присутствием Живого, Ласкового, Бесконечного по протяжённости Океана Вселенского Сознания...

Благослав заговорил очень тихо и медленно:

— Вот — ты Бога хотела познавать, внученька... Здесь — место особенное. Здесь — легко Бога ощущать, если раствориться в пространстве душой и любовью своей направиться к Богу.

И ведь не только ты хочешь ощутить Бога, но и Бог хочет показать Себя тебе! Смотри, слушай, запоминай!

Бог присутствует везде. Но здесь — Он особенно явен для нас.

А нам — нужно научиться воспринимать Его столь же явно — везде и всегда.

Если всегда быть с Богом, как сейчас, — то и будет с Богом в ладу вся твоя жизнь!

Этому мы с тобой и учимся в каждый день жизни наших. А как научимся — то станем с Ним *Одно* — как папа твой, как множество Других.

... Рада увидела в прозрачном Сиянии улыбающиеся глаза Радомира, нежные Руки Его, потом много-много других Обликов и Рук, пронизывающих и поддерживающих всю жизнь на планете и её красоту.

Пришло чёткое понимание, что Бог — в ней, вокруг неё, что Он присутствует во всём и во всех...

Причём Он — это живая, нежная Любовь!

... Рада очнулась, как от сна, и огляделась вокруг.

Было всё то же прекрасное озеро, травинки, солнечный свет ласкал сияющие капли росы...

Но то ощущение *Единства* вернуть не получалось.

Рада посмотрела на деда.

Он стоял неподвижно и, видимо, всё ещё воспринимал мир так, как на краткое время было позволено увидеть и ей.

... Потом они медленно возвращались домой, собирая травы.

Рада теперь знала, что то ощущение Единства с Богом она обязательно должна научиться ощущать именно всегда. И — так и жить: в Боге и с Богом в себе!

Глава четвёртая: Уход Велияра из общины

Время шло. Рада подросла, повзрослела. Ведь уже четырнадцать вёсен прошло! Невестой скоро станет!

Превращалась она из девочки — в девушку прекрасную. словно начал бутончик раскрывать лепестки нежные — так расцветала её красота!

А в общине, тем временем, не всё ладно стало. Нарастало недовольство некоторых общинников тем, как Благослав жизнью всех управляет.

И недовольство это раздувал тот самый Велияр, медитации которого и Рада тоже слушала иногда, пыталась рассуждения его осмыслить.

Он более всех выказывал недовольство руководством строгим Благослава. Был он человеком, силой большой обладающим: и душой велик, и тело сильное имел. Во многом он умелым был. К словам его люди часто прислушивались.

И хотелось Велияру, чтобы и старейшина мнение его всегда послушал, с его предложения-

ми соглашался. Хотел он своё влияние в общине усилить.

Ведь преемником Благослава после гибели Радомира именно себя он видел.

Да только не получилось это у него! Выходило лишь соперничанье да борьба со старейшиной за влияние на людей в общине.

Стали всё чаще ситуации случаться, когда наперекор указаниям Благослава он мнения свои высказывал — только лишь из протеста. Он страстно хотел, чтобы за ним люди следовали, его умом восхищались. Подчинялся Благославу он с неохотой, гордыню свою не смирял уже даже хотя бы для вида. И всё чаще за спиной Благослава с людьми говорил он о том, что старейшина их — не прав: здесь не так решил, из-за того-то вред вышел, и вот тут Благослав тоже, как видно, ошибся... Стал он и вовсе злое и гадкое говорить: «Выжил, видать, из ума старик! И Бога уж понимать перестал»!

Благослав долго наблюдал сие и терпел, но настала пора принять решение.

Благослав пригласил Велияра в дом свой. Тот вошёл, поклонился слегка — не земным поклоном, а так чуть-чуть спину присогнул.

— Здравия тебе, Велияр! Садись к столу, угощайся! — приветствовал Благослав.

... Да только на столе не было ничего! Пусто! Даже скатерть не постелена...

— Насмехаться изволишь? Не подано же угощение!

— А ты — подай! Вон в печке кушанья, что Рада сготовила!...

— Так в твоём доме — мне ли уместно хозяйничать?!

— Да? В самом деле так думаешь? А в общине хозяйничать — тебе уместно? А народ за моей спиной к смуте настраивать — хорошо тебе?

— Так не твоя же только община! И моя она тоже!

— Община не твоя, не моя... Мы — для Бога тут вместе живём, а не порознь, кому как взбрѣдет. Так пусть за общиной и выбор будет! Когда изберут тебя всей общиной, тогда и я тебя слушаться стану... А пока — мне здесь за порядок отвечать! Не дело ты делаешь: людей мутишь!

— Да ведь в каждом из нас Бог глаголить может! Уместно, чтобы и меня слушали!

— Да, в каждом глаголить может...

— Отчего же ты меня слушать не хочешь? Отчего все тебя слушать вечно должны? Надоело под твоей властью жить!

— Вот ведь и позвал я тебя, чтоб выслушать, да чтоб и ты меня услышал!

Оттого советы твои я не исполняю, что самость твоя мысли Божии искажает в угоду гордыне твоей неуёмной, почтения к себе требующей!

— Что ж, пусть община решит, кого слушать да слушаться! Собирай завтра всех! Я речь держать буду! Посмотрим: кому твои занудство да понуждение нужны, а кто — свободы хочет!

... Велияр вышел, не прощаясь, дверью хлопнул...

Рада не слышала сей разговор. Но не замечать происходящее она не могла.

Рада очень болезненно переживала такой разлад в общине. И с Велияром она сама поговорить решила:

— Зачем ты, Велияр, с дедушкой всё время противничаешь? Будто мы — не одна семья духовная, а люди, не ведающие о Боге вовсе?

Нас — и так мало в общине... Если все порознь жить станем — разве лучше будет?

— Тебе не понять, «внученька»! — с ехидцей ответил Велияр. Он посмотрел на Раду с насмешкой.

Воспринимал он её как маленькую и несмышлёную любимицу старейшины, хоть Рада уже и повзрослела, и научилась многому, и понимание глубокое во всём обретать старалась.

Велияр продолжал наставительным тоном:

— Дед твой людьми — словно деспот правит! Никого не слушает, никому окромя себя не доверяет!

— Так он же за всех в ответе, обо всех заботу имеет! — попыталась возразить Рада.

— А если — не такая забота людям нужна? Если по его указке жить все устали? И если бы и другие за всех в ответе были, что — хуже бы стало? Если я умно скажу, отчего меня не послушать, а?

— Ты вот речи верные часто говоришь, но за словами твоими — мысли недобрые! Да ведь, если мы сами дружно жить не будем, то потеряется всё то лучшее, ради чего мы жить стараемся вместе!

Да и как же с Богом сливаться душами, когда у нас даже и друг с другом согласие не выходит?

— Вот тоже выискалась! Будто бы умная! Слов красивых много уже выучила! Ты порассуждай ещё про «знания, испокон веков хранимые»...

Давно уж порознь все жить в общине стали! Видимость одна, а не единство меж людьми!

— Да ты ж первый к тому призываешь!

— Потому и призываю, что надоело «под дудку» деда твоего плясать-приплясывать! Хватит! Ты его не боишься, потому как родня! Он тебя пожурит, да не выгонит! А остальные — из страха ему подчиняются, трепещут пред ним! А я — не боюсь! И со мной — все смелые из общины уйдут, если не изберут меня старейшиной ныне!

— Что ты такое задумал?!

— Сход общины завтра соберём — и узнаешь!

... На следующий день сам Велияр общинников стал созывать, чтобы речь держать, опасаясь, что Благослав сего не допустит.

Люди собрались, слушали Велияра: его призывы избрать его старейшиной, его обвинения Благославу... При всех — он это впервые открыто высказал. И всем его желание властвовать и руководить стало видно...

Благослав слушал тоже. Смотрел на лица людей. Ждал...

После вышел, поклоном земным поклонился людям:

— Много лет я здесь старейшина... Если не по нраву это ныне — то вам, люди, решать! Выходите, говорите думы свои!

... Выходили общинники по очереди. Многие о недовольстве своём говорили, о том, что не

так всё складывается в общине, по их мнению... Спокойно говорили, рассудительно. Правда, всё как-то о земном лишь — речи их были...

Но Велияра никто не одобрил, избрать его старейшиной люди не захотели. Ему в глаза о гордыне его сказывали, о его желании не ради всех жить, а чтобы командовать да управлять всеми...

Велияр был очень удивлён, что никто не захотел его поддержать...

Он объявил:

— Уйду я вместе с женой из общины.

Если же кто со мной уйти захочет — то новой свободной общиной жить станем!

... На том, вроде бы, и разговоры закончились.

Но у Рады было ощущение, что самые главные слова так и не были сказаны.

Сам Благодослав молчал, призадумался над обвинениями, в свой адрес услышанными, решал: был ли в чём не прав или лишь вздорные хотения людские выплеснулись наружу?...

Рада вышла перед людьми и попросила разрешения говорить.

На неё посмотрели с удивлением.

На таких сходах разрешалось выступать даже маленьким детям. Но на памяти общинников дети и подростки только слушали, никто из них не говорил речей.

Рада ощутила как колотится в груди сердце. Она сделала глубокий вдох — и медленно-медленно выдохнула воздух, как когда-то учил её Радомир, чтобы с волнением справиться.

Она начала говорить — и сама удивилась, как спокойно и ровно звучал её голос. Слова будто бы сами поднимались из *Глубины*.

— Волею своею мы тут все в общине вместе живём? Или приневолил нас кто-то к тому?

Хотим ли мы только жизни свои сберечь и пропитание телам достойное находить? Или мы о большем думы имеем, и Цели наши главные к иному приложены?

... Рада продолжала говорить. Звонко и чисто звучал её голос. Хрупкое девичье тело наполнилось необычайной силой, слова её проникали в души...

Когда она закончила недлинную речь свою о любви к Богу, о присутствии Его здесь в каждый миг жизни — то наступила тишина особенная.

После вышел к ней кузнец Микула.

Он был огромного роста, богатырского телосложения. И хоть уже за пятьдесят ему перевалило, силой он такой обладал, что никого сильнее его в общине не было, хоть и были среди общинников молодые да телами крепкие.

Поднял он Раду ручищами огромными, поцеловал, по головке погладил с лаской особой! ... Это было — словно в детстве, когда Рада девочкой прибежала в кузницу посмотреть на тайнственно-прекрасную работу Микулы...

— Да, выросла ты, умница наша!

Люди мои любимые! Други и подруги сердечные! Через слова Рады Бог нас вразумляет! Много лет мы как одна семья живём... И вот ныне — завязли мы в своих мирских делах и желаниях, в обидах пустых и претензиях друг к другу мало-

значимых — словно в болоте барахтаемся хлипком...

Вроде бы, все о Боге помним... Да как-то поугасло в нас стремление духовное, заботами о земном оно заслонилося!

Я и о себе тоже — говорю.

Хоть не вышел я сказать о своих претензиях к Благославу, но и у меня тоже обидка на него была. Просил я его плавить железо позволить: «Ведь вот под ногами прямо — руда лежит хорошая!». А он запретил, говорит: «Приметны станем!».

Вот об этой обиде я думал сегодня, а не о том, как нам жизнь в общине духовней сделать: не о том, как к Богу душой приблизиться, как Любовь Божию в каждом слове и деянии своих преумножать!

Когда люди вместе соединены духовными устремлениями, любовью к Богу — то мелкие личные разногласия исчезают, Любовь Божия помогает каждому человеку Божественное возвращать в себе и в мир проявлять — и в большом, и в малом! Забота тогда взаимная возрастает! И в любом деле красота и вдохновение проявляются!

Всё в наших жизнях — для Бога должно быть!

Единение в любви к Богу духовно устремлённых людей — создаёт то сообщество людское, которое порождает удивительное пространство жизни общинной! В такой совместной жизни легче продвигаться каждой душе! Это есть самые лучшие условия для свершений духовных, для роста душ, для совершенствования каждого из общинников!

Если же начинаются раздоры и споры, обиды, зависть, осуждение друг друга хоть и в малом — значит Бог перестал занимать главное место в нашей жизни!

Мы все здесь про Бога знаем! О ступенях Пути — все знания у нас есть! А ведь нет стремления к освоению большего! Словно побывали мы уже на вершине горы, узрели оттуда Солнце и затем обратно вниз в долину спустились. Повидали Солнце — стало быть, уже poznali, что надо было...

А неправильно ведь это! Только лишь ставший Источником Любви Божественной, только лишь в себе *Солнце Бога* возжигающий — становится Сыном или Дочерью Бога!

И вот, взглянем: как далеко нам всем до этого!

Есть здесь над чем подумать нам, люди мои любимые!

А старейшины нам лучше Благослава — нет!

... Сказал он так и поклонился отдельно Раде, отдельно Благославу, а после и всем общинникам.

Благослав вышел, просил прощения у всех, кого обидел, не желая того. Благодарил и за слова ныне произнесённые.

На том сход был закончен. Общинники начали расходиться по своим избам с думами непростыми.

О Велияре словно вовсе позабыли.

Он, злой и раздосадованный этим, тоже ушёл...

Глава пятая: Беседы с Радомиром

Вскоре Велияр с женой и вовсе ушли из общины. Думал он, что с ним вместе и другие общинники последуют, но получилось, будто сам себя выгнал.

Для всех это время было не простым.

Рада переживала уход Велияра — как беду большую. Хотя Благослав и говорил ей, что сие есть облегчение и нужно радоваться тому, что от Велияра, по его же воле, избавились. И — что изгонять его не пришлось.

С Радомиром Рада после тоже говорила о многом. Отец похвалил её:

— Молодец, дочка! Хорошо перед людьми ты выступила: не побоялась говорить слова от Бога!

— Как это — от Бога?

— Да вот так и вышло, что Бог — через тебя говорил, доченька! И впредь будешь учиться, как Голос Божий в себе различать!

— Говорить-то, может, и говорила... Да много ли толку?

Слишком многое у нас теперь в общине стало не так...

Вот — Велияр с женой ушли...

Многие люди деда боятся. Слушаются, а сами — не со всем согласны, про себя разное думают... Велияр вот — не боялся говорить про то, что супротив деда думает, да злоба в нём возросла, и всё так закончилось, что хуже и не придумаешь...

— Отчего ты думаешь, что плохо всё закончилось? Многие ведь поняли люди через событие сие! И потерянное ощущение Присутствия Бога всегда в жизни своей — они воскрешать начали! Ведь не достаточно только помнить про это, нужно ощущать Его сердцем, душой, жить так постоянно!

А неволей — в Обитель Божественную людей загонять нельзя! У каждого — свой огонь в душе пламенеть должен! Такой огонь любви с Огнём Божественным Всеобщим соединиться может!

Пока личные желания главными правителями души являются, пока самомнение заслоняет понимание Божественной Воли — то не готов, значит, ещё такой человек к жизни в Божественном Единстве!

Вот — как бы ты сама общиной управляла? Думала?

— Общиной бы руководить, папа, я бы не смогла... А вот жить, как Ты, — хотела бы: людям помогать, объяснять про то, что знаю... И бабушка ведь прежде так жил... А теперь...

— А что теперь? Бога рядом не стало?

В себе, доченька, решение проблем искать надо! Может, хорошо бы стало, если бы ты всегда — как солнышко — сердцем сияла! И — для всех примером для подражания была бы в стремлении соединить жизнь свою с Жизнью Божественной!

— Я стараюсь, да не всегда получается...

Отчего иногда, вдруг, так пусто на душе становится? Мне порою кажется, что я забыла, как быть счастливой, как радоваться... Делаю то, что должно, — а радости в том нет... Словно — соста-

рилась до срока! Будто бы в неволе живу! Как берёзка, что корнями к земле привязана и от места, на котором выросла, убежать не может...

Мне так не хватает Тебя рядом!

— Но Я же — ведь всегда рядом!

— Я знаю это... Да не так всё, как прежде, когда в телах рядом были...

Ты — людям помогал, учил, исцелял... А я — и учусь у дедушки, вроде бы, нужному, да никому вокруг не нужно то, что я знаю теперь!...

Даже самую малость помочь кому-то — в радость бы было!...

Понимаешь? — никому не нужна жизнь моя такая! А как это изменить?

Думала одно время, что, если полюблю кого, — замуж выйду, деток рожу, — то хоть их учить стану...

— И что ж, дочка, никто тебя за себя замуж не берёт?

— Да многие бы рады, заглядываются... Но сердцу не люб никто из них... А без этого — всё то смысла не имеет...

Ты упроси дедушку, чтобы хоть людей в деревнях исцелять пускал!

— Попробую.

А ты — попробуй ту радость всегда иметь в душе, которая не снаружи от тебя причины имеет, а внутри в сердце духовном рождается и ширится!

Ты ведь умеешь это, да только не всегда живёшь так! Ты теперь познай, как всему и всем вокруг эта твоя радость выжить во времена суровые может помогать!

Ты ведь сама говорила, что, когда Отца-Сварога ощущаешь, — счастьем предела нет!

— Да, так! Прав Ты! Но только не получается всё время так жить!... Закончилась медитация, в которой была в Слиянии с Богом, — и будто солнце, с которым вместе сияла, за тучку зашло, — и всё теперь серо и уныло вокруг...

— Ты вот — про берёзку сказала, что не убежать ей с того места, где выросла...

Вот и возьми с берёзки пример! Там, где Богом было место для берёзки той определено, — растёт она и всем свою красоту и любовь дарит, воздух дыханием своим наполняет, здоровьем и силой для всех тот воздух становится!

И если не любят ее никто, то от этого не перестаёт берёзка свою красу и любовь миру Божию дарить!

Да, бывают такие сложные времена жизни наших, когда трудно во внешнем найти поводы для радости. И все события не таковы, как нам бы хотелось... Вот именно в такие отрезки времени можно учиться очень глубоко соединять себя — как душу — с Богом! Нужно не просто искать для себя покой и защиту в Его Любви и Всесилии, познавая Его — Великого, Единого, Безбрежного. Но нужно начинать излучать Его Любовь! В той серой мгле, что вокруг сгустилась, — можно засиять, подобно солнышку, пусть маленькому пока! Этому солнышку, Бог даёт Свою Силу — чтобы светить!

Такая жизнь с Богом может преобразовывать энергии печали — в сияние любви или в нежный покой-ласку. Попробуй! Вот, стали мысли

грустные одолевать — а ты их не просто спрячь в себе или прочь отгони, но преобразуй в любовь!

Помнишь? — учил тебя дедушка танцу утреннему: как солнышко встречать и радость солнечную миру дарить! Умеешь ведь! А отчего то сама каждый день не исполняешь?...

Начинай каждое утро — с *танца восхода солнечного* в себе-душе!

Сердце, соединённое с Божественной Любовью, может сиять, как Солнце!

Если ты освободила внутри тела и души простор для Бога, если твоя любовь к Богу сильна, чиста — то Бог заполняет духовное сердце! Потоки Божественного Света, подобно струям фонтана, могут литься тогда сквозь руки! Любовь твоя и Любовь Бога соединяются в сердце духовном твоём — и, слившись, они могут течь, сиять, лучиться!

Дедушка учил тебя так встречать восход солнца по утрам.

Но важно, чтобы Солнце Любви Божественной взошло внутри, в тебе! И не только на зорьке утренней оно сиять может и должно! Это состояние нужно очень прочно соединить с душой внутри духовного сердца! Отдавай своё сердце Богу — чтобы Он мог светить, любить, творить через тебя!

Познай, что такой поток твоей любви, соединённый с Божией Любовью, может течь сверху или снизу, сзади вперёд или, наоборот, назад! Научись направлять такие потоки! Позволь им струиться во все стороны одновременно или собирай в направленный Луч! Чтобы — сквозь тело

твоё и тебя как душу — Любовь Божия озаряла сей мир!

Научись пропускать такие Потоки сквозь руки! Тогда — Мне будет легко учить тебя дальше!

Научись жить душой — огромной, свободной от тела!

Ты привыкла видеть Меня в Облике небольшом. Но посмотри:

... Радомир показал Раде, что всё пространство выше поверхности Земли и ниже неё на огромные расстояния охватывают Его Свет и Любовь.

— Ну-ка, обними Меня всего!

... Рада попробовала и поняла, сколь она ещё маленькая: ей не охватить весь тот Свет Радомира, не опуститься до конца в те *Глубины*, которые Он может раскрывать!

— Вот видишь! А говоришь, что жить тебе скучно и грустно, делать нечего! Учись, пока на то есть время!

Научись задавать всему пространству вокруг — гармонию, которую в соединённости с Богом сама познаёшь! Это должно быть всегда, что бы ты ни делала! Даже если просто идёшь куда-то, говоришь с кем-нибудь, красотой природной любуешься, кашу варишь — всё это может озарять Божий Свет, что в тебе-душе горит!

Нужно предложить Богу — через себя, с собой вместе — Его Любовь-Нежность проявлять людям и всему живому! Именно так — лад с Богом душа обретает!

И тогда — ты сможешь учиться на любом расстоянии видеть, слышать, людям помогать, решения верные им подсказывать!

Зачем училась ты руки души ощущать, если бездельничают теперь эти руки твои, которые всеохватными могут стать? Зачем училась Лучом Божией Любви всё видеть и согревать, если забываешь этим умением работу совершать? Пусть пока и не была велика польза от работы твоей такой, но ведь это — не оправдание безделию душевному: мол, ещё не многое умею и могу!

— Но ведь для такой помощи и тело не надобно вовсе! Ты это теперь Душой лучше можешь делать!

— Но, если Я лучше это делать могу, — значит, по-твоему, ты не должна это осваивать?

Не так!

А час твой ещё придёт, не торопи! Учись — пока есть время! Да не трать его по-пустому!

... После Радомир и с Благославом беседу имел.

Благослав виду на людях не подавал, но произошедшее в общине и для него тяжело было. Вину свою он ощущал.

Без труда ощутил он присутствие Радомира. Легко понял и то, о чём будет разговор.

Радомир начал:

— Отец, ослабь волю, которой общину держишь! В неволю превратилось послушание тебе!

— Хочешь, чтобы все, как Велияр, кто куда разбежались и по своей воле жили? Нет! Общину — сохраню!

— Не горячись!... Помнишь, как ты Меня в детстве на коне скакать учил? Говорил о том, как надо с конём ладить:

«Если свою волю наездник ослабит совсем и позволит коню командовать — негоже!

Если свою лишь волю всадник проявляет, а коня своего не ощущает, — тоже негоже: конь не рабом, а другом, быть хочет! А тот, кто в рабстве, — подведёт в минуту трудную!

Нужно коня другом сделать, научиться его ощущать как самого себя — каждый шаг его, каждый скачок!

Если страх перед препятствием огненным или прыжком с высоты у коня может возникнуть, то упредить страх тот волей своей может умелый наездник! Нужно силу коня и свою силу уметь соединять! Нужно единой сделать волю коня и всадника!

Вот тогда такой конь — другом будет: он и в бою, и в дороге не подведёт, раненно-бесчувственного из беды вынесет!»

— Ишь ты! Ты теперь без тела уж — а помнишь!...

— Помню, отец! Потому помню, что мудро ты меня учил! Но вот теперь ощути, что людей наших начал ты в невольников обращать...

А люди — это ведь не животные бессловесные! Каждый человек — от Бога! — свободой воли наделён! Потому, когда отнимают у человека свободу, то протест в нём нарастает!

Даже трудную и неприятную работу — если по своей воле — то человек в радости сделает! Но, если по принуждению, без согласия внутреннего, — то работа в труд каторжный превратится!

Когда своим пониманием надобность дела человек осознаёт — то радость ему сопутствует в подвиге и духовном, и мирском, и в большом, и в малом, и в ежедневном, и в ежечасном!

А в неволе даже птицы прежде вольные не поют! Любовь в них умирает! А в людях — и того пуще!

И Рада тоже угаснуть может, если не поддерживать её устремления к Богу, если её желание людям помогать — пресекать в ней всегда!

Даже она, хоть и не боится, но любит тебя, а ведь тоже от суровости твоей огорчения ей достаются!

— Да ей-то в чём огорчения?

— Вот тебе пример: она тебе рубаху сшила да вышила, а ты не примерил даже!

— Так старая — ведь ещё годная!...

— Да, годная. А внучка твоя — опечалилась, что не угодила!... Мелочь, конечно. О том уж она давно забыла. Но из мелочей таких многое в жизни ваших складывается. Она во всём хорошо для тебя сделать старается, любовь стремится проявить, а ты — как *должное* всё хорошее от неё принимаешь, лишь на недостатки внимание обращаешь — и бранишь... Ласки ей не хватает! Слова доброго от тебя она ждёт!

И люди в общине уж забыли, когда твою улыбку в последний раз видели!

— Что ж я им — скоморох какой?...

— Нет, отец! Но в страхе пред тобой люди жить стали! Не Божьего Мнения ждут о делах своих, а твоей немилости боятся! Не хорошо это!

— Да уж... Всё теперь неладно...

— Страх — любовь разрушает!

Ты ведь сам учил Меня, как воля одного человека, воюющая с волей другого, лад нарушает в пространстве вокруг. Ты сам показывал, как соединение силы, замыслов добрых и порывов

любви творящей одновременно у многих душ — многократно умножает силу и энергию для деяний!

Всему этому ведь именно ты Меня учил! А души, соединившиеся в любви и трудах, — они великой силой становятся! Именно ради этого — общинами люди жить стали! А если Бог в том единении — Главный, то, сам знаешь!...

Ты заботой о людях, об общине живёшь. Через то — отдавание любви твоей совершается. Через то — пользу жизни своей в Служении Богу ты сам ощущаешь. Пойми, как значимо это! Как не хватает людям нашим того же!

Невозможно — для себя лишь совершенствованием заниматься и не «прокиснуть», словно щи, которые никто не ест много дней...

Ты, отец, всех по себе ровняешь. А не во всех любовь-устремлённость к Богу так сильна, как в тебе! Не для всех — Бог в жизни настолько важен уже стал, что любое испытание мелочью кажется!

Для того-то общинами люди жить стали, что много легче гореть любовью к Богу рядом с другими, кто тоже возгорелись!

Вот, если костёр горит — то все веточки и поленья в нём совместное пламя создают. Именно так — и община жить должна!

А если разворошить костёр, то по одиночке будут лишь слабо тлеть веточки и угаснут вскоре. Может, только большое бревно подольше погорит, но и оно — одно — угаснет...

Помнишь, ты медитации совместные прежде проводил? Помогал ты всем тогда *Единство* в Свете Божественном ощутить. Помнишь, как каж-

дому поручения давал духовные, а не только по хозяйству? Может, возродить тебе сие?

... С того разговора Благослав переменялся во многом. И Раду почаще приголубит, и с людьми суровости меньше стал проявлять, объяснять стал: отчего так решил и для чего сие нужно.

Вернул он в обычай и медитации общие. Любовь к Богу и любовь меж людьми — укрепились.

Снова покой и радость в общину вернулись.

Глава шестая: Встреча с Алексеем

Прошло ещё несколько лет.

Рада теперь училась многому у Радомира. Училась — ощущать Волю Божию в душе и проявлять Её. Училась — труждению души в освоении нового. Училась — видеть, ощущать собой душой пространство на большом расстоянии. Училась — тому, как и без тела можно помогать людям так, как это делают невоплощённые Божественные Души.

Рада просила деда и — с разрешения его — ходила исцелять больных в деревнях дальних. Благослав стал иногда позволять внучке это делать. Хоть и боялся за неё, но понимал, что без практики она не сможет быть уверена в знаниях и умениях своих новых.

Молодая знахарка удивляла людей тем, что приходила, не званная ни кем, в тот дом, где беда была. А где жила она, откуда приходила — не знал никто.

Однажды поздней осенью Благослав и Рада собирали редкие целебные растения. Ушли они далеко от места, где община жила. Заночевали в лесу у костерка.

Рада перед сном привычно погрузилась душой в прозрачную тишину и покой. Но... в тишине этой явно и сильно звучал призыв о помощи от души сильной и чистой.

— Дедушка, слышишь? Кто-то в беду попал! Может, из наших кто?

— Слышу... Да только нет там из наших никого! Спи!

— Дедушка, позволь, посмотрю: что там случилось?

— Нет! Деревня эта слишком близка к общине нашей, не следует нам там появляться!

А страха смерти не должно быть в душе достойного человека: смерть лишь для тел существует!

Но и жизнью своей без смысла рисковать нам не следует!

— Ну, дедушка! Как же можно не помочь?

— Молчи уж! Не для того Бог трудности и испытания людям в жизни посылает, чтобы мы за них решения подбирали...

Спи!

... Но Рада не могла заснуть. Столь явен и ярок был призыв к Богу о помощи, столь ярко и чисто горела та душа!

Рада ясновидением на ту ситуацию внимательно смотреть стала. Увидела ребёнка больного и мужчину молодого, который его исцелить пытался и о помощи в том исцелении Бога просил.

И было у Рады понимание, что должна она пойти и помочь, что благословляет Бог сие.

Позвала она Радомира, спросила совета.

— Тебе решать, доченька! Никто за тебя тут принять решение не в праве. Но очень многое в твоей жизни дальнейшей от выбора сего зависеть будет.

Сказал так, обнял, поцеловал нежно и ушёл.

Рада осталась одна пред выбором.

Она колебалась ещё немного... Проверяла, чтобы не личное желание всем помогать, не страх послушаться дедушку, не страх повредить укромной жизни общинников руководили её выбором — но только лишь Божия Воля. Почувствовала, что позволяет Бог оказать ту помощь душе зовущей.

Решилась!

Поднялась тихо, чтобы Благослава не разбудить.

Прошептала: «Прости меня, дедушка, если неверно я Бога поняла, если не так что-то у меня выйдет!».

... Шла она долго. Быстро и легко шла, словно на крыльях летела. Звёзды сияли на небе, луна была яркая и освещала неприметные звериные тропы — словно путь перед Радой сам растянулся.

А призыв о помощи был ровным, сильным, бескорыстным. Словно огонь горел в пространстве, не затухая ни на минуту. Видеть направление, куда нужно идти, было очень легко.

Уже утром, когда ярко засияло взошедшее солнце, Рада дошла до нужного места в деревне и нашла тот дом.

Открыла ей девочка-подросток. Не испугалась незнакомки, словно ждала чуда Божественного, которое вот-вот совершиться должно.

Рада увидела в постели больного мальчика, мужчину на коленях молящегося в облачении монашеском: «Ну вот, досвоевольничалась!»

Волну страха, который попытался возникнуть, она отмела, словно серую тень: «Что ж, если смерть тела принять следует, то нужно спокойно и достойно это сделать, как отец мой когда-то!».

Посмотрела ещё раз душою на мужчину того.

Не было ощущения опасности от него.

Божий Свет в его сердце духовном горел ярко! Сквозь руки он тот Свет пропустить старался. Но не понимал сам до ясности, что и как следует делать. Исцелить мальчика он пытался, да не получалось у него...

Навстречу Раде поднялась стоявшая на коленях перед иконами заплаканная женщина. В ней не было уже ни сил, ни надежды, были лишь сумбур в мыслях, подавленность и ощущение виновности собственной во всём...

Она едва держалась на ногах и плохо осознавала происходящее.

Рада поклонилась всем — земным поклоном. Сказала, что вылечит мальчика.

Никто из присутствующих не удивился ни приходу Рады, ни тому, как она узнала о болезни ребёнка.

Присутствие Божественной Силы в себе Рада ощущала ясно. Спокойно было на душе от понимания, что она имеет право сейчас излить

эту Божию Силу, что это нужно увидеть и монаху сему, и девочке, и этой несчастной женщине...

Она наложила руки и попросила Божественный Свет пролиться, смывая из тела ребёнка все тёмные сгустки болезненных энергий, восстанавливая чистоту, возвращая телу здоровье.

... Когда она уходила, то вновь посмотрела на монаха. Он спал на лавке в сенях...

Спокойное и счастливое выражение лица... Он душой растворился в Свете Божественном, Который заполнял всё пространство вокруг. Он растворился душой в Свете так, словно это было ему привычно.

Такой красоты и чистоты души Рада давно не видала!...

И лицо его было спокойно и прекрасно! Мягкие светлые пряди чуть вьющихся волос... Счастливая улыбка тронула губы спящего...

... Рада шла обратно, а сама всё вспоминала этого человека. Вот ведь, монах, священник — а такая чистота и сила души!... Ведь прежде думала, что так не бывает!

К Благославу пришла, повинилась, что ослушалась. Рассказала обо всём.

Дед молча и недовольно слушал, хмурил брови.

Но Рада всё же решила просить:

— Позволь мне с этим человеком поговорить!

— Нет, забудь! Довольно того, что ослушалась! Беды бы с того, что уже натворила, не настало бы!...

... Рада повиновалась.

Она не искала сама встречи...

Она просто радовалась тому, что есть на Земле такая душа — светлая и любящая! И это знание осветило и её жизнь теперь.

Рада влюбилась.

Любовь распустилась в душе неудержимо: как вешние воды, как живительная сила пробуждения природы!

Радость и нежность теперь заливали всё вокруг, изливаясь из души прозрачным сияющим потоком! Это было — неудержимо! Это было — раскрытие таинственных глубин, в которых сия нежность хранится до той весны, которая приходит к душе в свой срок — и распускается цветок любви!

Глава седьмая: Новая встреча

С того дня, когда Алексей видел чудесное исцеление, совершённое через Раду, он некоторое время надеялся, что вновь встретит её и узнает от неё то, как обрела она сие умение. Но никто ничего про таинственную знахарку не знал и никогда прежде её не видел.

Со временем Алексею иногда стало даже казаться, что всё произошедшее было лишь видением дивным, явленным Богом.

Он жил — как прежде. В одиноком своём предстоянии пред Богом он старался походить на старца Николая и таким же, как его жизнь, видел и своё будущее...

Прошли осень, зима... Наступила весна.

Снег уже сошёл вовсе. Ярко пробуждалась природа в этот год.

* * *

И вот однажды той весной Алексей заплутал в лесу.

В первый раз с ним случилось такое! Столько ведь лет уже здесь в тайге прожил! Всегда ведь легко примечал и запоминал дорогу! Как бы далеко ни уходил — всегда направление верное, как обратно выйти, знал!

Но сейчас он шёл и шёл, выбился из сил и не представлял даже, в каком направлении теперь двигаться. К вечеру явным стало присутствие близкое волчьей стаи. Алексей развёл костёр. Волки не приближались, боясь огня, а потом и вовсе ушли.

Заночевал у костра...

... Утро было ясным, всё вокруг сияло и искрилось в свете восходящего солнышка!

«Как глупо будет вот просто так — ни за что, ни для кого — погибнуть среди этой красоты дивной!» — подумал Алексей. Он спокойно так об этом подумал, без страха, без печали.

Легко потекли слова молитвы:

«Боже, выведи! Укажи мне путь — если на то есть Воля Твоя!»

Он словно притих сам в тишине внутренней — и затем зашагал уверенно и быстро в ту сторону, в которую, как ему показалось, направлял его Бог.

* * *

Охранявшие покой и безопасность общины два сильных молодых мужчины заметили мона-

ха, который напрямик направлялся к их поселению — причём так быстро и уверенно, словно знал дорогу.

Посоветовавшись меж собой, они решили его связать и привести к старейшине Благославу, чтобы выяснить: откуда взялся, что задумал сей лазутчик и как с ним поступить.

С холщёвым мешком на голове, чтобы не приметил дороги, со связанными руками Алексея долго вели куда-то. Он даже не успел увидеть связавших его. Они действовали слаженно и ловко, не били, боли никакой не причиняли. Шли молча.

По тому, как сбавили шаг, как вокруг слышались голоса, — Алексей догадался, что пришли в селение.

С него сняли мешок — и он увидел окруживших его людей.

Перед ним стоял высокий, с белоснежными от седины волосами и бородой, могучий, несмотря на годы, старик, держащий в руке посох. Алексея, поставили перед сим стариком — видно, старейшиной сей общины. Вроде — как на суд.

Старик смотрел на Алексея некоторое время как то особенно, словно насквозь видел, затем заговорил с двумя рослыми парнями, которые всё ещё держали связанного Алексея за плечи с обеих сторон.

— Ну что вы наделали? Зачем сюда притащили? Не соглядатай, не мыслит злого! Вот любуйтесь сами — даже страху не имеет! Что с ним делать теперь?

— Прости нас, Благослав! Не знали, что делать: напрямик к нам шёл, словно дорогу знал. Вот и решили к тебе вести...

... Собравшиеся вокруг люди были благожелательны, спокойны, смотрели молча на происходящее и ждали решения старейшины.

И тут, вдруг, Алексей увидел среди окруживших его общинников... ту целительницу!

Вспыхнуло всё внутри от радости великой!

Подумал: «Так вот зачем Бог сюда вёл!»

Алексей заметил, что от старейшины не укрывалось ничто. Похоже, мысли других людей он словно в открытой книге читал:

— Так вот, стало быть, каков твой монах, внучка!... Сердце открытое имеет, помыслы чисты! Ступай на стол накрой, Рада! Все соберёмся: решать, что с ним делать нам теперь предстоит.

Рада поклонилась старейшине, мельком изпод ресниц ещё раз взглянула на Алексея с лаской, теплотой и ободрением. И затем пошла к избе.

Величественный старик посмотрел вновь на Алексея, словно насквозь пронизывая взглядом:

— Гостем будешь, Алексей, раз Бог тебя сюда привёл!

Меня зовут Благослав, старейшина я сей общины и Раде дедом прихожусь.

... Едва заметная улыбка тронула его губы, когда при имени Рады радость вновь всколыхнулась в Алексее — от понимания чуда и Промысла Божьего!

И уже обращаясь к тем, кто Алексея держали с обеих сторон за плечи, Благослав произнёс:

— Да развяжите же его, олухи!
... Потом пошёл, не оборачиваясь, к избе, уверенный в полном послушании всех вокруг.

* * *

Сели за длинный стол, покрытый небелёной холстиной.

За столом собрались многие взрослые члены общины: мужчины, женщины. Рада тоже села рядом с дедом, когда закончила подавать на стол.

Еда была простая: хлеб, овощи отваренные с травами свежими, капуста квашеная, грибы солёные.

Ели молча, не торопясь, в тишине.

После Рада принесла заваренные душистые травы и мёд.

Испив, старейшина заговорил:

— Ты вот, Алексей, думаешь, что в становище староверов-раскольников ты угодил? Что скрываемся мы от карательных войск, чтобы выжить и веру сохранить свою? Так? Ну говори вслух всё, как ты мыслишь, что на сердце содержишь, чтобы все здесь про твои думы знали!

... Алексей помнил пепелище, помнил сожжённых заживо раскольников и хотел, чтобы этих людей не постигла подобная страшная участь.

Он заговорил горячо, искренне:

— Нет разницы в том, как персты сложить, чтобы крестное знаменье наложить! Иисусу мы свои молитвы возносим и Отцу Его Небесному, во власти Которого все жизни наши! В обрядах же

только — различие! А сие — пустое! Из-за сего не стоит жизни и отбирать, и отдавать!...

Покрестить я всех могу по обрядам новым — и не будет тогда притеснений и гонений в жизнях ваших!

Иисус любовь заповедовал меж людьми иметь, чтобы все — как братья и сёстры пред Ним были!

Так почто же мы разделяем сами там, где миру и вере чистой быть место?!

... Благослав заулыбался:

— Вот, видали, слыхали?! Такое, оказывается, тоже может быть!...

... Затем уже Алексею сказал:

— Не всё ты про нас, Алексей, понял!... Не староверы-раскольники мы!...

На Руси и прежде христианства — люди жили, Богу служа!...

— Вы — язычники, выходит?

— Ещё прежде, чем на Русь пришло христианство, стали Знания настоящие о Боге — обрядами заменяться...

Повелели князья сделать идолов, изображающих «богов», повелели ритуалы совершать перед теми идолами — чтобы в подчинении и страхе послушания народ жил.

Так появилось то самое язычество.

Утвердили те властители язычество — вместо Знаний, что люди от Бога напрямую имели.

Чтобы свой «порядок» утвердить — было велено жертвы «богам» и жрецам приносить...

Так и разучились очень многие люди Бога Живого видеть и ощущать!

Реальность — идолами, из дерева вырезанными или из камня вытесанными, заменили...

О живом общении с Богом — так и позабылось...

Волхвы немногие память о том Знании и умения великие хранили. Но в леса они ушли... Их — колдунами называть стали...

Вот к таким «колдунам» ты и угодил, Алексей! И это тебе теперь впору решать: отречься ли от веры своей прежней ради Знания Великого — или не отречься...

Ладно, потрапезничали, поговорили...

Ступайте с миром, други!

А ты, Рада, гостя устрой на ночлег да на вопросы его ответы дай!

Глава восьмая: *В общине*

Рада привела Алексея в небольшую хижину.

Алексей спросил:

— Отчего сказал мне старейшина, дед твой, что решить я должен: отречься ли от веры?

— Не бойся, Алексей! Не придётся тебе слова какие-то отречения произносить, или обряды некие новые совершать!

Обряды всякие, отречения, крещения новые... всё это — лишь людские условности... Сам ведь ты про то говорил за столом! Не вмещаются ведь Знание Живое, Бог Живой — в людские обряды и правила!

Тебе не нужно отрекаться от веры твоей в Иисуса! Иисус — ведь Он на самом деле жил на Земле, учил Божественному Знанию!

Но, если ты захочешь узнать, каковы Законы Божественной жизни, по которым всё во всех мирах своё бытие и развитие имеет, то придётся тебе о том узнавать, что служители церкви сочтут грехом и ересью, ибо не сохранилось в книгах церковных даже Учение Иисуса Христа во всей полноте!

Да, есть многое в Учении Бога, что и не записано в книгах!

Даже если ты научишься всему тому, что Иисус знал и умел, то, думаешь, *служители обрядов* сочтут тебя святым? Думаешь, что станут они слушать тебя? А если проповедовать ты начнёшь то, что каждый человек, по заповедям Иисуса, должен бы учиться жить так, чтобы стать совершенным, как Отец Небесный, — как ты думаешь: что о тебе тогда скажут? В чём тогда тебя обвинят?

— Значит, ты знаешь всё-всё, чему Иисус учил? — Алексей поднял на Раду ясный, сияющий взгляд. Он сейчас самое важное для себя слышал в её словах.

Рада улыбнулась ласково, нежно:

— Но ведь не только Иисус о Боге учил! Много было Тех, Кто были подобны Иисусу! И приходили Они на Землю в разные эпохи, чтобы о Едином Учении Бога рассказывать людям!

И были времена на Руси, когда по Законам Божественным очень многие люди жили, а... не один только Божественный Посланник, Который слова Бога людям нёс... Знали люди о Боге, слы-

шали Его, видели Его, понимали Его и учились у Него проявлять умения и силы, которые Богом человеку каждому дарованы — как возможность! Но ныне большинство людей о том не догадывается даже...

— И ты можешь, умеешь всё, что Иисус умел совершать?

— Нет, совсем ещё не всё могу и умею... Но я учусь...

— Но ты же исцелила мальчика! Ты ведь — Силой Бога его исцелила?

— Да, Алексей. Это я частично уже умею — благоприятствовать Богу проявлять Силу Его через это тело.

Самое главное, чему учусь теперь — жить так, чтобы я и Отец Небесный, как то говорил Иисус, стали *Одно*, чтобы то, о чём объяснял Иисус, — стало сутью души...

— Расскажи: в чём ваша вера?

— На словах — про это не расскажешь. Это — вовсе не вера даже, это — сама жизнь в единении с миром Божественным и с миром земным, Богом сотворённым!

Ты вот веру имеешь в то, что в Новом Завете написано. Прочитал — и веруешь, что так было. Ибо тебя так научили: тебе сказали, что это так, — и ты веришь. Многое, что там написано, взаправду было. А что-то — досочинили. А большую часть — и не записали вовсе...

Я, как тебя увидела тогда, то решила прочитать всё, что в Библии написано. Евангелия читала особо внимательно. Читала — и словно смотрела — как живую — всё, происходившее там тогда. Объяснения от Самого Иисуса слушала.

— Ты можешь Иисуса видеть?

— Могу... И ты ведь — тоже можешь Свет Божественный видеть, Иисуса ощущать! У тебя такое иногда получалось ведь! Правда?

— Не знаю... Думал, видения это... Не смел полагать, что это — реальность...

— Вот ты людям нашим говорил о вере своей, а Иисус — рядом был! Ты не ощущал Его разве сам?

— Не видел... Не думал, что так быть может...

— А дедушка — видел. И другие, кто уже умеют, видели. Чистоту и искренность слов твоих — благодаря этому они признали!

Ты вот — про веру нашу спросил.

Для тебя Бог — это Сам Иисус, также — Отец Небесный, также — Царствие Небесное, которое лишь после расставания души с телом может познать и обрести душа, если заслужит то...

А для меня — по-другому всё вокруг видится. Во всём — Божественное Присутствие вижу и ощущаю: и в берёзках, и в соснах, и в травинках, и в цветочках, и в той Силе Божией, Которая всё это и даже тела — и твоё, и моё, и других существ — оживотворяет!

Я эту Силу-Свет вижу душой. И Тех, Кто эту Силу в сей мир направляют, — тоже вижу. Их — много очень! Их — тоже Богами можно называть! Они — такие же, как Иисус!

Иисус о многом людей учил! Но Его тогда почти никто не понял, кроме немногих Учеников. А теперь — и ещё меньше того понимают про жизнь Иисуса, про Учение Его.

— А ты? Ты — всё понимаешь?

— Ты, Алексей, не горячись! Многое, что я сама знаю и понимаю, я тебе рассказать готова без утайки. Но объяснения только на словах — малозначимы! Они лишь веру твою чуть поколеблют...

Если захочешь — то научу тебя всему, что умею.

Когда не слова только от меня слышать будешь, но научишься видеть и действовать душой свободной, — то всё иначе восприниматься станет!

Но только — тебе это решать: захочешь ли того?

— Захочу! Как же может быть иначе?! Всю жизнь о том мечтал! Иисуса об этом просил!

— И не испугаешься, что «околдую чарами» какими-то неведомыми?

— Не испугаюсь! Знаю ведь, что Бог меня сюда к вам привёл!

А исцелять любые болезни чудесным образом, как Иисус, ты меня научишь?

— Научу всему тому, что постигла уже... Только — не всех подряд от всех болезней излечивать следует. Иисус ведь тоже не всех больных исцелял!

Иисус — Силой Отца Небесного исцелял. Чтобы так исцелять, нужно, чтобы было, как объяснял сие Иисус: «Отец, пребывающий во Мне, — Он творит дела...».

Этому и стану учить так, как умею.

— А ты с Иисусом поговорить можешь?

— Могу...

— Тогда — спроси Его...

— Погоди, Алексей!... Если захочешь, то после сам будешь с Богом беседы иметь! И сомнений не будет тогда в ответах!

А сейчас умыться бы тебе надо.

... Рада протянула Алексею белую рубаху, вышитую по вороту и рукавам узором, штаны, онучи, поясок тканый:

— Вот — одежда для тебя чистая... Надеюсь, впору будет!

А твоё облачение я постираю да высушу...

Алексей смутился:

— Да я — сам! Ты покажи — где?

— Микула, кузнец наш, уже баньку истопил, пойдём: помоешься!

А я постелю тебе пока.

... После бани Алексей, одетый в чистое, сопровождаемый Микулой, вернулся в хижину, где дожидалась Рада.

Он хотел ещё о многом спросить, но усталость последних дней взяла своё. Алексей заснул блаженным и счастливым сном.

Ему снилась Рада, её глаза, руки, ласковый голос...

... Утром он подтвердил о своём твёрдом желании учиться.

— Как хорошо! — Радость свою, что наполнила сердце, счастье от происходящего Рада не прятала! Улыбнулась Алексею: — Пойдём к дедушке! Нужно ему о решении твоём сказать. Но дедушка сразу в общину не примет. Подумать надо: как всё устроить...

* * *

Благослав встретил Алексея ласково:

— Ну, садись, гость! Рад я тому, что учиться хочешь, что не испугался!

А про то, как жить дальше станешь, — думал?

— Не знаю пока... Будто жизнь прежняя закончилась, а новая — не началась ещё...

— А для чего вообще жизнь человеку дана? Думал ты о том, Лексей?

— Много про то думал, да ответа не нашёл... Видно, оттого и искать стал ответы у Бога, а не у людей...

— Хорошо говоришь!

Ладно, о делах наших теперь подумать надо.

... Благослав пояснил о трудностях, что им нужно разрешить, чтобы осуществлять желаемое:

— В жестоком мире мы ныне жить должны, Лексей!

Вот, зная про общину нашу, ты на исповеди какой-нибудь думы свои о нас выскажешь или иначе как выдашь нас тем, кто ищет, как искоренить всех людей, кто не так верует, не так Бога славят... Что тогда будет?

А тут, в общине, навсегда тебя оставить — тоже опасно... Искать тебя, быть может, станут...

— Не выдам я вас! Даже если пытаться будут — не выдам! Смерть лучше приму!

— Человек о себе не всегда знает, какую боль способен вынести и какой страх пред пытками новыми... Изощрёнными стали палачи ныне...

Благослав, Алексей, Рада и общинники долго обсуждали, как обучение Алексея лучше устроить.

В результате решили, что Алексей вернётся в свой скит, чтобы не вызывать даже малых подозрений у людей в деревеньке. Об отлучках своих наперёд предупредить сможет — и искать его тогда не будут. В те времена были монахи, что уходили жить в пещеры или в лесах пристанища делали, чтобы через ещё более аскетическую жизнь к Богу приближения искать. Вот так и объяснит Алексей о себе.

Решили также, что Рада его учить станет, не приводя в общину без особой надобности. Найдёт место для встречи, где неприметно можно будет рассказать и показать Алексею главное. А потом уже видно будет, как дальше с ним быть...

Глава девятая: Обучение у Рады

Теперь обучение у Рады стало самым главным в жизни Алексея.

Всё радикально изменилось для него.

Он и прежде ощущал прекрасные мгновения Божественных Прикосновений к душе, но они были лишь краткими. Отчаянная борьба за новое обретение сих мгновений и поиск способов приближения к Богу — теперь уступили место прямому ощущению Его Бытия! Чудо Присутствия Живого Бога — стало реальностью!

... Алексей снимал своё монашеское облачение и оставлял в дупле большого дерева, надевал хранимую там же белую рубашку, вышитую Радой. Затем он долго шёл по лесу, но дорога не казалась дальней. Ведь словно крылья за спиной вырастали!

Рада тоже, наполненная счастьем и радостью, приходила к их условленному месту у озера — того, где когда-то Благодатный объяснял Раде, что значит *жить с Богом в ладу*.

Здесь теперь было их пристанище — шалаш, сооружённый из ветвей огромной упавшей ели. В летнюю пору такое сооружение было вполне удобным, чтобы и от дождя укрыться, и отдохнуть, и переночевать.

Близости такой, как меж мужем и женой, между Алексеем и Радой не было, ибо Алексей даже мысли подобные от себя отгонял, грехом великим считал и нарушением монашеского обета.

Но Любовь Божия освещала в их жизни всё и обнимала Собою две души, устремившиеся ко Творцу, чтобы слиться с Ним в Его Безбрежной Любви!

Алексей словно исчез из мира материи и родился в мире ином — райском. Для него открывался бесконечно прекрасный простор любви, красоты, полного понимания без посредства слов! Великое Присутствие Божественное пронизывало всё! Этот прежде скрытый или лишь на краткие мгновенья ощущаемый Божественный мир — становился с каждым днём всё более реальным, явным!

Шалаш стоял не на берегу у воды, где было открытое пространство на песчаной отмели и поросшей невысокой травкой лужайке, а чуть в отдалении, в лесу, в месте, укрытом от случайных людских взглядов.

Каждое утро — казалось особенным, новым, прекрасным!

И каждый день приближал к полноте восприятия Божественного Бытия!

* * *

Вот и в этот день, утром, когда солнышко ещё лишь чуть начинало окрашивать лёгким румянцем облачка, они бежали по тропинке к озеру встречать рассвет.

Рада бежала так легко, что и дыхание не сбивалось. Словно не бежала, а летела она, слегка лишь касаясь земли ногами.

Алексей же запыхался от бега.

Непривычно, но всегда радостно было ему всё, что задумывала Рада.

Она ласково посмотрела на него:

— Теперь купаться!

Они плескались, как дети в прохладной, наполняющей свежестью воде озера.

Потом Рада легла на поверхности воды, раскинув руки, с блаженной улыбкой счастья на прекрасном лице.

Алексей залюбовался.

Он более не смущался, не отводил взгляд, как в первые дни. Он больше не считал постыдным видеть её обнажённую красоту.

Самый первый разговор их об этом запомнил Алексей очень ярко. Словно перевернулось тогда в нём понимание нравственных основ, которое, с детских лет привитое, ставшее привычным, — казалось прежде незыблемым.

В тот раз Рада спросила:

— Ты позволишь мне сегодня не мочить рубашку, купаясь?

— Конечно! Я отвернусь, не буду смотреть!

... Рада, задумалась на несколько мгновений, словно решая внутренне: настала ли пора для объяснения. Потом она взяла Алексея за руку.

— Давай сядем здесь, поговорим...

Как ты думаешь, почему тебе или мне должно быть стыдно видеть тела, которые дал нам Бог?

Отчего ты не считаешь стыдным видеть цветы, которые обнажили свою красу? И — деревья? И — птиц и зверей в их естественном облике?

Отчего возник в людях стыд пред обнажённым телом? Ведь — Бог эти тела создал, как и всё вокруг! Кто придумал глупости эти? Даже в вашей Библии пишется о том, что Адам и Ева не знали стыда обнажённых тел!

— Но ведь потом было грехопадение?

— Да, с людьми действительно случилось грехопадение... Но не так, как это в легендах библейских описано!

С каждой душой это может случаться в каждый момент жизни. Это есть выбор меж любо-

вью, радостью — и корыстью, насилием, коварством, гневом, злобой, страхом, унынием!

Жить в стыде, в страхе, в ненависти и в иных пороках — это, в самом деле, есть грехопадение!

А созерцать прекрасное и естественное — не грех вовсе!

Отчего мы, дети Бога, должны жить в этих пороках и в грехах, когда райский, первозданно созданный Богом мир — он здесь, прямо сейчас есть в нас и вокруг нас? Надо — лишь *войти в него* и научиться в нём пребывать!

Отчего мы должны бездумно следовать придуманным людьми правилам жизни греховной: стыдиться того, что вовсе не стыдно, и, наоборот, считать естественным то, что гнусно и скверно?!

Вот, подумай сам: живут люди, в большинстве своём считая своим неотъемлемым правом воевать за какие-то выдуманные ими идеи! Или — убивать других людей из мести или «во имя веры»! Или — ещё ради чего-нибудь подобного... Люди убивают, обманывают — ради власти или богатства, мстят обидчикам! И это всё они называют нормальным, часто даже считают такие свои поступки «подвигами», гордятся ими!

Дед мой, правда, говорит, что и войны учат некоторые души быть сильнее, смелее, жертвовать собственной жизнью ради других... Не знаю, может быть, он прав...

— Мой духовный наставник, старец Николай, тоже о сём говорил: что, видимо, нужно людям претерпеть самим страдания, чтобы понять боль других и пагубность ненависти — для её но-

сителей. И — чтобы захотеть потом всем сердцем, всю силою души устремиться к Любви Божией!

— Да, так. Но ведь выбор того, как им жить, — от самих же людей чаще всего и зависит!

Есть очень многое в жизни, что принято большинством людей считать правильным,... хотя ведь способности думать и любить, если эти функции души уже развиты, должны бы указывать на противоположное...

Такая жизнь, задавленная низменными эмоциями, — она ведь самими людьми превращает их жизнь в ад на Земле!

Считается ведь даже, что чистота и святость для людей... невозможны... А если возможны, то они — в истязании плоти и запрете радости и блаженства!

Или ещё, например, получается, что все дети зачинаются и рождаются во грехе и пороке! А «непорочно» лишь то зачатие, которое чудесным образом без соединения тел свершилось!

И ещё почти все люди ныне питают свои тела убитыми телами животных — и не видят в том ничего дурного! Не видят страшных последствий сего питания, от которого души людей всё более обретают худшие хищные качества!

Дикие звери-хищники охотятся, чтобы выжить — в соответствии с их природой. А люди убивают, прежде всего, из чревоугодия, тогда как жизненной необходимости для них в этом нет.

Я не буду об этом продолжать!...

Ты сам подумай на досуге и на эту тему, и о многом другом подобном: какие, например, «убеждения» твои о правильном и неправильном

есть всего лишь людские «изобретения», из поколений в поколения передаваемые? И какие нравственные основы — в понимании твоём — ты можешь назвать истиной, угодной Богу?

Понимаю я, Алексей, что сейчас, так сразу, не просто тебе скинуть груз привитых тебе, но ложных мыслей и привычек! Всё так вывернуто в умах людей наизнанку, что получается, что быть в страдании — это и есть праведность, а жить в блаженстве — то грех!

Продумай также: ведь есть великое различие между жизнью по похоти и прочим страстям, которые самость в человеке укрепляют через его стремление обладать желаемым, — и, с другой стороны, жизнью светлой и чистой в радости и благодати!

Это — как на примере с едой: если обжорство непомерно ради услаждения плоти — то сие, и вправду, есть грех, несущий и телу, и душе вред!

Но можно же умеренно питаться именно вкусной и полезной пищей, наполненной жизненной силой растений, созданных Богом для питания человека!

Так же — и во всём остальном.

Можно наслаждаться чистотой и здоровьем тел! Можно любоваться красотой природы! Всё это несёт блаженство, которое ведь приближает души к состоянию райскому.

Причём, если такие состояния становятся *привычны* душе, то и вокруг такого человека возникает пространство, подобное тому, которое именуют раем.

Человек, испытывающий и несущий в себе и вокруг себя такое блаженство, сердечную благодарность Богу за всё возносит — и ответная Любовь Бога с каждым таким благодарением умножает его счастье!

Так прежде люди на Руси жили: просто, чисто, радостно! Но ведь так же и сейчас жить можно! Не следует лишь раздражать этим толпы неразумных!

Такой чистоте мыслей, эмоций, энергий телесных — я и должна тебя научить!

Через это — душа к Богу приближается! И может тогда такой человек легко с Богом общаться: видеть, слышать Бога!

Прости: слишком много, наверное, я сказала тебе теперь...

... Вдруг Рада улыбнулась спокойно:

— Если тебе ещё неловко, непривычно — то ты отвернись!

... Она спокойно сняла одежду и, не оборачиваясь, вошла в воду озера.

В тот раз Алексей сильно смущался, видя прекрасное стройное тело Рады.

А она, напротив, — покоем и радостью всё вокруг наполняла!

Он сделал над собой усилие, чтобы тоже раздеться...

Ему показалось, что тяжкие покровы лживых запретов и страхов снимались — вместе с одеждой — с души... И душа — обнажалась пред Богом!

Это состояние не покидало его, и когда они уже оделись и Рада вернулась к обучению Алексея.

— Посмотри: все энергии в теле человеку доступно сделать кристально чистыми, подвижными, сияющими: такими, как эта вода, сверкающая в лучиках солнечных!

... Рада снова подошла к воде, набрала в пригоршни озёрную воду, подняла — и позволила солнечному свету превратить льющиеся из ладоней струйки в живое светлое и радостное золото!

— У тебя в теле — лишь в области, где духовное сердце расположено, — чистота и простор для Бога раскрыты уже. Все остальные энергии в теле — словно притухшие, замедленные. И много ещё осталось заторов для Божьего Света в теле твоём! Это можно изменить очень простыми действиями, но не за один раз, разумеется.

Вот, например, пусть тело омоется в потоке Света Божественного, который сверху, подобно водопаду, льётся и может промыть наши тела и снаружи, и изнутри. Попробуй вместе со мной!

Рада подняла руки, словно ловя ладонями невидимые струи.

— Ты сам тоже попроси Свет Божий пролиться и наполнить наши тела! Ведь Бог — всегда рядом!

Ты можешь — с молитвой — ко Святому Духу своё обращение направить, если тебе так привычнее.

Главное — ты должен с любовью открыться навстречу сему Божественному Свету!

Так и собственное тело исцелять можно. А после научу и тому, как другим помогать!

... Алексей попробовал.

Он увидел сияющий Поток Живого Света, в Котором стояли их тела. Свет лился, наполняя Чистотой, Блаженством!

Омытый этим Светом, Алексей ощутил небывалую радость и силу, чтобы жить, любить, познавать Божественный мир! Каждая мельчайшая частичка тела словно бы улыбалась, сияла от прикосновений Божественной Чистоты!

Голос Рады зазвучал в этом Свете:

— А теперь — подари всем существам вокруг то Блаженство, которое сам ощутил! Пусть — словно река Света из сердца духовного твоего будет изливаться всё шире, всё дальше! Свет Духа Святого и ты, как душа, сейчас — в Единении! И эту совместную Любовь можно дарить всему миру!

... Это было удивительно! Алексей стоял в Потоке Света и... лился вместе с Ним! Поток становился всё шире! Словно в русле огромной реки Света стояло крохотное тело, но Алексей сейчас был не телом, он был *един* с колоссальным по размерам Поток Божественных Любви и Блаженства!

Поток Любви и Силы из Великого Источника был неиссякаем, бесконечен, нежен!

Алексей не смог долго быть в этом Единении...

Но то незабываемое состояние было им пережито, познано, запечатлено!

«Видно вот так и крестил людей Иоанн Креститель!» — подумал Алексей, вознося благодарность Богу!

Рада, словно отвечая его мыслям, произнесла тихонько:

— Вот и крестился ты ныне в сияющем Потоке Духа Святого... Но это — лишь самое начало... Не сразу впервые познанное становится естественным состоянием для души! А для телесных энергий — и тем более много времени нужно, чтобы преобразования произошли... Много раз сие нужно повторять, чтобы и душа, и тело стали подобны сему Свету навсегда!

* * *

После утреннего купания и повторения прежних упражнений или освоения новых — Рада и Алексей часто беседовали.

Например:

— Естественными и гармоничными должны быть и вся жизнь, и питание! Долгий изнуряющий пост — не на пользу телу.

— Но я, когда постился долго, то ощущал, что Бог — словно ближе становится!

— Да, это иногда очень хорошо — очистить плоть голоданием. Но истязания плоти — это грех!

Для жизни души и её роста нужны энергии, которые получает она — с помощью тела — от потребляемой пищи.

Также — и от света солнечного или огня костра может человек энергию получать. Это есть вопрос умения и навыков: в какой степени человек может эту энергию сохранять в себе и использовать.

Растения, преобразовав в себе энергии, полученные ими от Солнца и Земли, делают их пригодными для питания человека.

А человек, может в себе преобразить те энергии — в любовь сердечную и дальнейший рост души.

Но для этого тело должно быть чистым не только снаружи, но и изнутри.

... Рада стала объяснять дальше про все остальные энергетические центры в теле человека, про то, какое они назначение имеют и как их можно очищать.

— Есть семь центров в теле человека и каналы особые, их соединяющие. Сердце духовное — это тоже такой центр, самый главный для души, ищущей единения с Богом!

Но и другие свои центры человек может научиться очищать — и через них направлять Божественный Свет, Божественную Силу. Так может человек и себя от болезней избавить, и другим людям в этом помочь.

— Вот бы объяснить это всем людям! Ведь многие бы это поняли, жить иначе стали бы!...

— Да как объяснить?... Почти никто слушать не хочет!

Отец мой пробовал учить многих...

— Расскажи мне о твоём отце!...

... Рада постепенно рассказывала Алексею очень многое.

Она учила его и всё новым приёмам, которые позволяли очищать душу и тело, видеть душой. Это были не только слова. Но Божественные Блаженство и Любовь наполняли и душу, и тело. До каждой клеточки тела дотрагивался блаженный Поток! В Нём — обновлённые Чистотой Поток телесные энергии тоже преображалась. Это было новое состояние плоти телесной, которая,

как оказывалось, может быть преображена и наполнена Светом Божественным!

Рада объясняла, как соединены могут быть и душа, и тело — с Жизнью Бога.

Учила она и слиянию с красотой и растворению в тишине природной. Учила — очищению энергий телесных образами пламени костра, когда они вечерами разводили огонь и подолгу сидели в сиянии поднимающихся языков пламени...

* * *

Однажды, когда Алексей занимался небольшим ремонтом их шалаша, повреждённого ночью сильными порывами ветра, к их убежищу вышел огромный медведь.

Алексей заметил зверя, когда тот был уже близко.

По рассказам, он знал, сколь это опасно.

Алексей схватил один из кольев, поддерживающих ветви на шалаше.

Крикнул Раде:

— Беги!

... Но Рада, наоборот, быстро но очень спокойно подошла к Алексею, обняла его, закрывая собой. Она обняла его очень сильно одной рукой за шею, а другой рукой зажала запястье той руки Алексея, в которой был кол. Она прижалась щекой к его лицу...

Всё в нём словно замерло.

Это были не объятия женщины, ласкающей мужчину... Это было нечто совсем иное.

Рада словно «вытолкнула» его за пределы обычного мира — в иную реальность, где нет

страха, смерти, боли, а есть только Божественные Свет и Любовь.

Алексею показалось, что время остановилось или очень сильно замедлилось. Его словно... оглушила Тишина... Он — *иначе* увидел весь мир...

Тишина была всеобъемлющей. Все звуки, которые достигали иногда слуха, были словно наложены на Тотальную Безмолвную Суть Мироздания... Всё происходило... внутри этой Тишины...

Он впервые так увидел душой окружающий мир. Всё в том мире жило по Совершенным Законам...

Он видел, как поднимается по стволам деревьев некая сила-свет, он мог обратить взор на цветок и заметить движение света внутри лепестков и тычинок... Он ощутил разом птиц, деревья, травы... Всё это стало... частью его самого. Окутало Блаженство... Лучистые струи энергии струились во всём: и в его теле, и в теле Рады, и в деревьях, и в травах... В теле медведя медленно переливалась эта же сила-свет...

Огромный зверь ещё один раз с некоторым недоверием посмотрел в их сторону, а потом, словно не замечая людей, которые стояли обнявшись всего в нескольких шагах, спокойно прошёл совсем рядом своей дорогой.

Рада ещё некоторое время удерживала Алексея в том дивном состоянии. Он больше не ощущал себя *отдельным*... Он был — частью Божественной Жизни.

— Что это было?

— Жизнь...

Это — Жизнь, какой она должна быть, какой она изначально задумана на Земле Творцом...

— Ты сделала нас невидимыми? Или ты умеешь повелевать животными?

— Нет, не совсем так... — Рада пробовала подобрать слова: — Медведь не ощутил в нас *опасности* или *страха*... Мы стали частью Первозданной Гармонии, Мирового Лада, созданного Творцом.

С людьми — сложнее. Они разучились ощущать сие Единение, Единство всего воплощённого живого — и Творца...

И лесные животные, которых люди держат в неволе, тоже могут не понять... Медведи, которых на цепях держат, уже не смогут быть остановлены так...

Все миры Мироздания — с разными состояниями душ в них — существуют прямо здесь, сейчас. Это — и тут, где мы с тобой находимся, и везде.

И тёмные миры печалей, тоски, ненависти, страха, и миры светлые райской радости, и мир Духа Святого, и мир Изначального Божественного Бытия — всё это прямо тут есть! Когда человек находится в том или ином состоянии себя-души — то перед ним открываются просторы того или иного слоя Мироздания. Ты словно врываешься в тот мир, которому созвучно сейчас состояние тебя-души. Ну, словно по весу, душа может быть лёгкой — или тяжёлой. Она погружается в миры тяжёлые и плотные, если её состояние такое. Или — она входит в Свет и Блаженство миров утончённых.

Давай покажу теперь в реальности!

... Рада взяла Алексея за руку.

Он вдруг перестал ощущать мир, видимый телесными глазами, и... серое душное пространство окутало со всех сторон.

— Вот так выглядят миры тоски, печали. Но бывает и намного хуже...

... Потом быстро, словно отмываясь, очищаясь от того душного «тумана», они оказались в пространстве, словно залитом солнечным светом.

Радость и благодать такие вокруг были — не передать!

— Наполни и тело этой радостью и чистотой! — попросила Рада.

... А потом они погрузились в тончайший Блаженный Свет...

Рада отпустила его руку:

— Сейчас я помогла тебе ощутить разные миры.

Но ты ведь и прежде в них бывал: ощущал и горькую тоску, и райскую радость, и Божественные Прикосновения иногда ощущал, когда всей силой и любовью к Богу устремление имел.

А теперь — ты уже сам умеешь и с Потокom Духа Святого соединяться душой!

Знакомо тебе всё это! И от тебя всегда — осознанно — может зависеть выбор: в каком состоянии ты пребываешь.

Но меж такими мирами Мироздания перемещается душа, а не тело.

Состояния же энергий, которые существуют в теле, — напрямую от состояний души зависят, в которых человек обычно живёт.

Есть и обратная зависимость. Если тело — болезненное, наполненное тяжёлыми, негармоничными энергиями, то не просто, почти невозможно из него в Свет Божественный вырваться.

Когда же очищены энергии телесные, то легко душа открывается Божественным Свету и Любви. Ты теперь на своём опыте знаешь это.

Тебе теперь уже очень многое в Мире Божественном доступно и явным стало.

Всё сущее берёт начало в мире Света и Силы Божиих. Здесь — Источник всего Творения! Здесь — пребывает всё Первоначально Чистое! Отсюда — всё получает силу жить, расти, развиваться!

И можно научиться ощущать *Единство со Всем* так, как ощущает Бог — из Самых Глубин, пронизывая и поддерживая всё, сотворённое Его Силой. Мы с тобой будем этому учиться!

Глава десятая: *Иисус*

Алексей удивительно изменился за прошедшее с начала обучения время — даже внешне. Тело наполнилось чистой силой, сиянием и красотой преображаемой души!

В один из дней Рада обратилась к нему со словами:

— Алексей, ты говорил, что хотел бы сам увидеть Иисуса. Вот — Иисус пришёл! Он хочет говорить с тобой!

... Неуловимый обычными органами чувств Божественный Свет стал приближаться, нарастать. Сомнений не могло быть! Всё в Алексее

трепетало от счастья! Он знал, что происходящее — истинно! То были Величайшая Любовь и глубочайший Божественный Покой!

Алексей почти не дышал, боясь пошевелиться и потерять это Чудо!

Всё внешнее — как бы отпало, словно несуществующее. Даже присутствие Рады он перестал ощущать.

Свет, подобный нежнейшему солнечному, заполнил всё пространство вокруг.

Алексей увидел сияющий Облик Иисуса.

Иисус был, хоть и состоящий Света, но — реальный, живой!

Алексей хотел преклонить колени, но не смог пошевелить телом.

Так он и стоял, а Иисус шёл к нему.

Иисус протянул Руки... Он коснулся Ладонью груди Алексея, потом возложил обе Ладони на его голову. Тело Алексея наполнилось Божественным Светом Иисуса. Слово погружённый в озере кувшин наполняется водой — так и тело: оно стало как бы полым, и в него втекли, заполнив его, Любовь и Нежность Иисуса.

Иисус обнял Алексея, и затем, разомкнув Объятия, отступил на пару шагов. Но ощущение того, что он — в Объятиях, у Алексея осталось. Так было оттого, что со всех сторон обнимали его Свет и Любовь Иисуса.

Алексей услышал голос Иисуса:

— Сын Мой, вот — ты теперь воспринимаешь Меня! Рад видеть тебя таким, каким ты стал ныне! Ты очень многому научился и повзрослел — как душа! Ты стал чище и телом, и сознанием, и избавился от вороха ложных догм и представле-

ний, привитых тебе с детства, которые так мешали тебе! Мне теперь будет проще тебе помогать, обучая тебя!

Я всегда был рядом с тобой. Но теперь, наконец, ты можешь видеть и слышать Меня вполне ясно, чётко.

Я благословляю начало твоего нового этапа обучения и Служения Мне и Отцу Небесному!

Я буду приходить к тебе для этого всегда, когда ты призовёшь Меня.

... Видимый Облик Иисуса начал растворяться — и исчез в Свете.

Свет остался и наполнял Алексея невыразимым Блаженством!

Алексей всё ещё стоял неподвижно. Он не стыдился слёз счастья, которые выступали из глаз. Сбылась самая высокая его мечта! Он увидел и услышал Иисуса! Иисус прикасался к нему Божественными Руками! И ощущение от всего этого, память об этом — запечатлелись в душе навсегда!

Значит, личное прямое общение с Иисусом — вполне достижимая Реальность!

Алексей, наконец, обернулся к Раде:

— Как мне благодарить тебя?!

... Она радостно улыбалась:

— Для меня лучшая награда есть то, что у тебя всё получается!

Жить и напрямую общаться в мире Света с Теми, Кто там живут и трудятся, — имею в виду Божественные Души — это может скоро стать для тебя естественным умением и счастьем в жизни!

Глава одиннадцатая: Любовь земная и Любовь Божественная

Всё в жизни Алексея теперь было бы хорошо, переполнено счастьем... Но вот любовь к Раде...

Ведь столь возвышенным было его отношение к ней!

Поначалу Алексей даже не понимал, что эта любовь — настоящая, глубокая!

Рада была — столь прекрасна! Густые ресницы, ясные глаза!... Они иногда синели, как небо! Или иногда — притягивали в покой и погружали в тишину...

Каким сияющим и восторженным бывал её взгляд, какой лаской и покоем она могла обнимать, всего лишь будучи рядом!

Никогда прежде Алексей не думал о том, что человек может быть таким! Лишь Небесному, Божественному, невидимому и непознаваемому миру отводилась в его представлении возможность такой Красоты, Чистоты, Святости!

Она дарила Алексею возможность всё ярче, полнее воспринимать Божественный Мир!

Это было самым главным ныне в его жизни!

Но... он не мог не замечать того, что с ними происходило... Случайного прикосновения всего лишь кончиками пальцев, касания пряди волос или встречи взглядами — было достаточно, чтобы Алексея затапливало с головой море нежности! Любовь к ней стала огромна — как море! Это

было счастье, в котором две души сливались в удивительном единении!

Алексей осознал, что любовь может существовать не только к Богу, но и к Раде. И эту любовь уже не погасить, не вырвать из сердца!

Алексей не знал, как он должен теперь себя вести... Он — монах — как смеет нарушить обет?

Алексей принял решение учиться дальше, но не позволять себе мыслить о «любви земной». Он стал избегать взглядов и прикосновений... Он пробовал запретить себе то, что было бы столь естественно для человека...

Он не говорил Раде обо всех этих своих переживаниях. Но она всегда сама все его мысли и эмоции знала. И — старалась не торопить.

Ведь Рада тоже полюбила Алексея с первой их встречи. Она видела и понимала всё, что творилось в мыслях и эмоциях её любимого. И — терпеливо ждала.

Она научилась отмечать то в своих эмоциях, что могло бы приносить страдание от неполноты в их отношениях.

Она училась быть благодарной за то счастье, что уже подарила ей судьба. «Вот — снова увижу его, обниму душой, буду рядом, буду помогать!»

* * *

Но внутренние запреты мешали Алексею. Он не знал, как с этим жить дальше...

Столь сильным и прекрасным стал огонь любви к Раде, что не волен он был погасить это

пламя, этот сияющий в душе светильник! Он обратился к Иисусу и просил Его о помощи:

— Господи, я более не могу противиться тому, что заполнило меня!

Ясно ощущаю, что эта любовь к Раде усиливает мою любовь к Тебе! И должен ли я в таком случае пытаться от неё отказаться? Как это возможно сделать? Не видеть её более никогда? Но тогда не откроются мне те Выси Горние, о которых учит Рада, на которые стремлюсь восходить душой, чтобы приблизиться к Тебе!

Слабость ли это моя? Грех ли мой? Но... разве может быть грехом такое вот сияние душ в любви?!

... Иисус произнёс:

— Напрасно ты мучаешь и Раду, и себя! За что ты лишаешь и её, и себя счастья, которое Я вам посылаю?

— Я обет монашеский принял, клятву дал! Как же мне нарушить это?

— Все такого рода «правила» и обряды — людьми придуманы, а не Богом! Ты ведь знаешь сие уже!

— Да... Но обет я давал по своей воле и собственному выбору! Меня не заставлял никто!...

— Любовь — это дар человеку от Бога! Учась любви к ближнему, учится человек и Бога любить!

В самом факте интимных отношений меж мужчиной и женщиной, друг друга любящих, — нет греха! Близость эта — великой нежности учит, способности сливаться душами! Не познавшему

земную любовь — познавать сложнее и Любовь Бога во всей полноте, и Слияние с Творцом!

Теперь Я, перед Которым ты обет монашеский принимал, — освобождаю тебя от обета сего! Зови Раду! Я Сам благословлю ваш союз!

... Звать Раду не пришлось. Она подошла — тихая, нежная — встала рядом...

Иисус нарёк их мужем и женой.

* * *

Экстаз слияния тел и душ... Счастье! Такого ещё не было в их жизнях!

Счастье не вмещалось в их тела и изливалось, охватывая широту пространства вокруг! Это было — словно солнечные капли-брызги разлетались! И в каждой такой капле горело сияние Божественной Любви!

Это был мир радости и счастья — простого и прекрасного, как всё было в Божественном Творении в его первозданной Чистоте и Гармонии!

Счастье было столь огромно, как небо над их телами, как земля под их ногами, как вся красота вокруг!

... Ничто внешнее не поменялось. Солнце и небо были те же, что и вчера, и позавчера... Теми же были и озеро, и песчаный берег, и щебет птиц, и аромат цветов... Но всё это, казалось, преобразилось невероятным образом!

... Они искупались, подставляли обнажённые тела с капельками воды на них — лучам солнца.

Потом, Рада закружилась в удивительном танце! То был танец благодарности Богу за то

дивное и чудесное, что было подарено им — Отцом-Создателем и Иисусом!

Бог наполнял Своими Светом и Любовью всё — солнечные лучи, блики на воде, листву на деревьях, травинки, цветы... И этот же Свет струился в телах Рады и Алексея, обнимал со всех сторон — и её, и Алексея, и всё, что было вокруг!...

... Он попробовал облечь в слова то, что ощутил:

— Как же это удивительно! И ведь люди могли бы жить именно так! Для этого никаких особых условий не надо — чтобы вот так, с Богом, сливаться в любви и гармонии!

Это и есть рай?

... Рада улыбнулась нежно:

— Наверное...

Существует во вселенной сила любви-притяжения. Обычно первые прикосновения к этой энергии получают люди, когда возникает меж ними взаимное притяжение и стремление к единению, к созданию семьи и рождению детей.

Но, если сводится сие соединение лишь к утехам плоти, то обедняют себя такие люди...

Всё, что присуще плоти, остаётся в мире земном, когда души его покидают. Но развитая любовь — остаётся в вечной жизни душ!

Любовь между мужчиной и женщиной — может быть прекрасна! Так это было задумано Творцом! Ведь она учит слиянию и растворению — так же, как и красота природная!

Всем людям, на земле живущим, дарованы возможности испытать радость такого бытия — и развиваться через это!

У Иисуса ведь тоже была любимая... Её звали — Мария Магдалина. Она была Его ученицей.

И ведь никогда Иисус не говорил о том, что любовь меж мужчиной и женщиной есть грех!

Похоть — то порок. Похоть — это желание самости человеческой — обладать желаемым во что бы то ни стало...

Любовь же есть *взаимное дарение* счастья, блаженства, нежности, заботы! В этих дарении и принятии — учится человек самому прекрасному состоянию души! Это — прообраз любви души к Богу! Через неё — обретаются способности к пониманию другого, к взаимослитости, единению...

... Алексей увидел в переливах Света лицо Марии Магдалины. Густые каштановые волосы, карие глаза, нежные руки... Иисус тоже присутствовал рядом. Но теперь говорила Мария. Она произнесла:

— Мы и сейчас — вместе с Иисусом. Через любовь к Нему — всё тогда в душе преобразилось! Через то — к Отцу Небесному приближалась!

Любовь такая — не заканчивается со смертью тел! В Великом Океане Бога можно быть вечно вместе с Теми, Кого мы любим!

Настоящая любовь между мужчиной и женщиной — прекрасна и чиста! И должна она преобразовать жизни людские и приближать к Совершенству.

Но эту самую прекрасную эмоцию, возникающую меж душами, люди превратили своими дурными мыслями и «правилами» — в «запретное» и «греховное»...

Сколько люди тех грехов совершают, которые как бы в тайне ими творятся!... А потом — вина, словно червь, душу грызёт... И это состояние вечной виновности и греховности опутывает всё более прочными цепями...

Только лишь очищение души от пороков позволяет скинуть те оковы, начать жизнь новую, чистую — пред Богом!

Бывает так, что там, где человек в самом деле не чист, — честным и праведным он себя мнит...

А бывает, что о грехах представления людские ложны...

Живя в страхе или тоске, в борьбе с другими людьми за обладание желаемым — очень многие души разучиваются ощущать тончайшие оттенки любви и блаженства, нежности и ласки! Они словно ослепли и оглохли, они видят лишь тьму вокруг! Слово парализованы такие души и не шевельнуться им под тяжестью своих пороков, жестокосердности собственной! Слово стеной непроницаемой люди себя отгородили от Бога! Такой и я была до встречи с Иисусом...

А Иисус возвращал ослепшим душам способность видеть, оглохшим — возможность слышать, парализованным — возможность исцеляться и двигаться к Свету!

Главное пробуждение души заключается в способности бескорыстно любить! Причём многие из тех, кто так пробудились, смогут после и Небесную Любовь захотеть познать...

Два взаимно любящих человека — словно два сосуда, из которых воду, что в них была, соединили в *одно*! Прежде два отдельных сосуда

было — а теперь возникает новое состояние душ, которое в прежние границы уже не вмещается!

Так же и в Творца совершенная Душа вливается. Это — как маленький сосуд свои воды вливает в Бесконечный Океан — и через это Частью Океана становится!

Так в сей Океан Божественный многие Подвижники Себя вливали — как Души Преображённые, Совершенные — и через то Царствие Небесное преумножалось.

Так и Иисус когда-то стал Един с Отцом Небесным. А после — пришёл на Землю — как Сын, Который с Богом-Отцом *Одно*, — чтобы людям напомнить, что сие возможно, что как раз для этого они и живут на Земле!

В этом Единении — и есть высшее Счастье, которое души познать способны!

Мир Творения как раз и создан Богом для того, чтобы люди могли всё это познавать и расти, развиваться через это — до Слияния с Любовью Божественной!

Как бы хотелось вернуть им умение жить в Гармонии с Богом и со всем Его Творением! Тогда — ещё чуть-чуть — и можно погрузиться в *Глубины!* А там — открывается Безбрежный Мир, Бесконечный Океан, где есть только Творец — Единный во Множестве, являющий Собой Великие Любовь, Мудрость, Вездесущность и Всемогущество!

Когда раскрывается душа для жизни в любви сердечной, то открывается пред ней Путь роста до Состояния Божественности! Это — Путь к Единению с Божественной Всёсотворяющей Силой!

Часть третья: Новая жизнь

Глава первая: Новый дом

Через несколько дней Рада сказала Алексею:

— Мы должны бы сегодня пойти в общину: сказать всем, что — пред Богом — мы теперь муж и жена. У нас так принято. Ты согласен?

— Конечно! — радостно ответил он.

... Рада и Алексей шли к поселению общинников. В лучах утреннего солнца лес казался сказочно прекрасным!

— Нас будут встречать, ты не удивляйся!

— Встречать? Но как они узнали?

— Я дедушке поведала.

— Но вы же — не виделись! Мы же вместе всё время были!

— Ну, ты же знаешь, что можно на расстоянии душу другую видеть, ощущать. И беседовать можно. Ты ведь уже умеешь говорить с Иисусом! И ты знаешь, что я с отцом своим Радомиром говорю часто. Ну вот, и дедушке рассказала про нас. А он мне в ответ: «Раз так — в общину приходите: пред всеми объявить ваш союз надобно!»

Алексей обнял Раду, подхватил на руки, поцеловал:

— Вроде бы всё про тебя уже знаю, а ведь каждый раз удивляюсь тому, что ты умеешь!

Все общинники от мала до велика вышли встречать Раду и Алексея. Им желали счастья, любви, лада друг с другом и с Богом!

Даже пространство, в котором они шли между приветствующими их людьми, становилось каким-то особенным: так меняют всё вокруг простые пожелания добра и любви, которые искренне посылаются сильными душами.

Благослав смотрел на молодых ласково. Говорил слова, которые подобали сему в обычаях общины.

Затем повёл их к дому:

— Вот, теперь это — ваш дом будет!

... Удивлению Алексея не было предела...

Они вошли в дом — небольшой, но уютный, чистый.

И внутри всё было убрано, украшено особым образом: дом ждал своих новых хозяев!

... Когда остались одни, Рада рассказала:

— Прежде, для молодых, которые семьи создавали, принято было всей общиной новый дом строить. А у нас ныне и строить не надо: есть несколько домов пустых.

— Это был чей-то дом? Умерли те, кто тут жили?

— Нет, не умерли. Это когда-то был дом кузнеца Микулы. Помнишь, он тебя в баньке парил?

А потом ему кузню всей общиной сделали по-особенному: чтобы звука наружу от работы его почти не было. И горница при кузне есть. Вот он там и живёт теперь, семьи у него нет. А дом вроде

пустует. Он и сказал деду, чтобы этот дом для нас приготовили.

— Приготовили?

— Да. Видишь, как всё внутри устроили? — постарались всё нужное принести для нас в дар! Вот — стол, скамьи, посуда разная, свечи — ну всё, что в хозяйстве полезно! Вот ещё и книги на столе — это для тебя от дедушки!

Здесь все общинники свои дары нам приготовили — кто что мог: кто — рушник, кто — посуду, кто — утварь другую какую. Вот дед мой — книги для тебя принёс: знает, что ты читать любишь!

... Алексей даже растерялся. Никогда прежде он не испытывал ничего подобного! Почти незнакомые ему люди — такое вот для него сделали! Конечно — и для Рады, но и для него — тоже. Как же ему теперь благодарить их всех?

А Рада закончила объяснение:

— Мы много поколений общиной живём. Это — словно семья большая и дружная. И обычаи тут — добрые!

Теперь тебя в общину должны будут принять, по согласию общему. Дедушка решит — когда.

* * *

После Рада зашла в дом к деду.

Они обнялись нежно.

— Вот, дожил, дождался!... Любишь его, вижу! И он тебя любит! Хорошо сие! Да... удивительно всё сложилось!...

Учи — и дальше!

Я и сам того не ждал, что так быстро человек переменяться может!

— Да, люблю его, дедушка!

Прежде думала, что это только я его учу. А знаешь? — я у него тоже учусь многому!

Он тут «Книгу предписаний и законов религиозных в государстве» — для людей о жизни праведной пред Богом, об устройстве церкви мудром написать задумал. Поможешь ему?

— Да кто ж ныне книги читать-то будет? Народ-то — неграмотный!... А те, кто грамотны, те лишь расправы чинить над инакомыслием готовы!

— Ему Иисус поручил.

Возможно, что то — только для него самого нужно: чтобы записать и заодно осмыслить, соединить всё прежнее со всем новым, что узнал. А может, ещё и для будущего задумано... Не знаю пока...

Не привык Алексей жить для себя, для счастья лишь собственного! Он — для Бога всю жизнь свою живёт и людям всем помочь мечты имеет! Вот и теперь — новое знание своё и понимание о том, как жить можно праведно, — принять лишь для себя одного считает неверным. Он так даже мыслить не может: чтобы счастье — только для себя! За это — ещё сильнее его люблю! В этом — особенное сияние его!

* * *

Алексей пошёл в скит, чтобы взять самое необходимое для жизни.

Зашёл и в деревню.

После случая с исцелением мальчика Тихона и уходами долгими в лес — об Алексее говорили с почтением особенным, почти святым считать его многие стали. Не то отношение теперь было, что прежде: когда он крыши чинил прохудившиеся или в колодец залезал, чтобы его почистить!

Алексей внутренне поражался тому, как всё как бы само собой складывается!

Зашёл он и в дом Ефимии. Там всё было ладно! Младшенький мальчик подрастал, не болел. Дуня и Тишка уже хорошо могли помогать матери своей во всём. Наладилось многое в их жизни! И сама Ефимия спокойнее и радостнее стала. Поняла она, что Бог их любит, хранит — и жить теперь стала в благодарности к Нему за это!

Тишка и Дуня встретили Алексея — словно самого родного человека! Алексей удивлялся: ведь почти не общался с ними с того случая чудесного исцеления!

Сказал им, что надолго теперь уйдёт.

И тут он придумал, как ему известия о жизни в деревне получать. Попросил он ребят, если нужда будет какая или случится что-то важное, — то чтобы оставляли ему в дупле большого дерева знак. Тишка то дерево на излучине реки знал. Алексей дал им два камешка маленьких — один тёмный, а другой светлый. Если беда и нужда какая, то тёмный камешек положить, а если радостная какая необходимость в присутствии его — то светлый.

Для детей такая игра — тайная и важная — показалась очень интересной, и они обещались исполнять!

Потом Алексей ещё раз вернулся к скиту. Пошёл к могиле старца Николая: словно прощался с прошлым своим. Сел на пригорке, посидел тихо и долго, вспоминая их жизнь совместную, долгие годы своего ученичества...

Потом стал мысленно, словно на исповеди, старцу рассказывать всё о жизни своей новой...

Увидел и услышал он старца Николая неожиданно для себя:

— Что ж спужался? Иисуса вот — не боишься теперь видеть! Отчего ж меня забоялся?

— Не ожидал...

— Думы свои мне говорил, а увидеть не ждал?

— Значит, ты слышал всё исповедание о жизни моей, о думах, о мечтах? Осуждаешь меня?

— Нет, сынок, никогда никого не осуждал, а тебя — и подавно!

Твой путь за тебя никто не пройдёт! Быть может, и суждено тебе то сделать, о чём мечтаешь, — и для людей, и для Бога... Может, и моя жизнь земная тем важна была, чтоб довелось тебя подготовить к сему...

Не бойся! Сердцем — правду Божию всегда почувствуешь! А смелости, чтоб по той правде жить, у тебя всегда было чрез край!

... Старец Николай благословил Алексея, словно в прежние времена... Потом — исчез...

Алексей поднялся и пошёл в общину.

Новая жизнь ждала его — и он был готов к ней.

Глава вторая: О различении, о силе души и соблазнах гордыни

Теперь Алексей имел много возможностей для бесед со старейшиной Благославом. Часто он поднимал и тему возможности преобразования религиозной жизни страны.

Для Алексея это были не просто разговоры, но попытка понять, как всё это можно было бы совершить в реальности, с учётом тех знаний, что он обретал ныне.

Благослав от разговоров не уходил, напротив, рассказывал то, что знал сам о прошлом в истории страны. А бывало — он высказывал своё мнение и о нынешнем положении дел на Руси.

Глядя на Алексея, он нередко словно узнавал сына своего Радомира. Их роднило стремление деятельно замещать тьму духовного невежества — светом истинных знаний о Боге, рассказывать людям о сути добра и зла, о том, как строится — на этой основе — судьба каждого человека.

Иногда, когда Благослав стремился «опустить мечтателя на землю», он видел, что, наоборот, ещё сильнее крепла в Алексее уверенность, что можно преодолеть, казалось бы, непреодолимые препятствия.

Отказ от попытки повлиять на происходящее в стране виделся Алексею неправильным:

— Значит, так — годами — и жить? И не делать ничего для помощи людям: для прекращения того ужаса, той жестокости, которые многие творят ныне якобы от имени Бога?

— Как же тебя угораздило, Лексей, в монашескую жизнь войти, если ты о мирском порядке и о благе людском так печёшься? Происхождения ты — знатного, стал бы советником царским...

— Но не о мирском благополучии я говорю, — улыбнулся Алексей, — а о духовном законе — праведном и для мирян, и для людей, что обеты церковные на себя приняли и Господу служить хотят! Без этого — никакого мира и благоденствия не может наступить в государстве! Без истинного духовного знания — жизнь мирская ведь столь бессмысленна! И порядок настоящий в церковной жизни при таких условиях — невозможен!

— Выходит, ты хочешь добавить ещё одну новую веру к тем, что уже есть? Думаешь, что примут её все люди, если хорошо придумаешь?

Но — не бывает так! Ведь всё наизнанку по-вывернут — и лишь новая война с «ересями» учинится!...

Вот — башкиры бунтуют ныне... Они Единого Бога — Аллахом именуют, но и по сей день на шаманов своих и «богов прежних» уповают!

А сколько ещё различных народностей в стране живёт, и каждая — свою веру исповедует! Догадываешься?

Ты им всем — тоже новую веру предложишь? Думаешь, что все захотят по-твоему верить?

И раскол в православной церкви, думаешь, сумеешь устранить только одной книжкой своей?...

— Не знаю ещё, как поступить надо...

Одной верой всех объединить не получится, верно говоришь: только насилие новое выйдет!...

Но можно же издать такой закон, чтобы люди знали, что Единый Бог — за всеми верованиями пребывает! И — чтобы преследования и убийства из-за веры не чинились!

Говорят, что молодой государь ныне новые порядки во всём учредить готов. Круто начал менять он жизнь в стране! Может, и в делах духовных полезное он сделать сможет?

— Да уж, наслышан!... Велел он боярам бороды брить, одежды как у латинян носить — и мужам, и жёнам... Смысла большого, однако, в том не вижу!...

А ещё корабли повелел он строить, войну ведёт, чтобы всему миру величие и силу державы явить... Но хорошо ли выйдет, коль могущества страны все соседние государства бояться станут?... Не думаю, что это — благо!

— Вот потому и нужно ему реформы жизни духовной предложить! Рассказать ему и о том нужно, что позорно для великой державы рабство крепостное, которое людей, как скот позволяет продавать!

— Ну, выдумал! Кто ж тебя слушать-то станет?! Убьют — и весь сказ!...

Да и силы у тебя ещё нет той, чтобы странами управлять да правителям наказывать, как правильно дела государственные вести!

— А что, бывает такая сила?

— Бывает... Да только редко, когда во благо используют её...

Хорошо, когда оберегает Бог человека от могущества, которое ещё невмочь осознать и вынести тому человеку!

По разумению если, то ведь каждому Бог силу для жизни и дел добрых даёт — и то есть благо! А ежели сверх разумения человека сила его — то беды с того быть могут великие: и с самим человеком, и для других от него!

Вот — расскажу тебе немного, а ты — дальше сам думай!

Были времена очень давние, когда волхвам, силой и умениями не обделённым, пришлось решать: как поступить, чтобы знания не утерялись во тьме неведения...

Рассказывал я тебе уже прежде, что некоторые из них, мудрые, — в леса ушли, скрытно жить начали, из поколения в поколение те знания передавали достойным праведным продолжателям и хранителям...

Но были и те, кто для многих людей решили хоть частицы тех знаний и умений донести. Верования новых правителей они принимали «для вида», обрывки от знаний они в новые обряды и правила включить попытались...

Большой силой душ обладали некоторые из них... А где сила — там соблазнов множество появляется в том, чтобы ту силу использовать.

Хитры соблазны для гордыни человеческой! Опасностей существует много, от которых чистоту восприятия Божественного утратить очень легко можно!

Вот, к примеру, только «для вида» веру иную некоторые из них приняли — как бы ради сохранения жизней людских и знаний ценных... А

ложь — в жизнь их вошла!... И, чем дальше, тем сильнее та ложь неприметно поработала души такие: тут они правду подомнут — вроде как для блага людского, тут — ещё присочинят к правде вымысла чуть-чуть...

Кое-кто ради того — и вовсе нечестен стал...

А оправдывали они это тем, что делают они сие во благо людям и спасают жизни многих...

Другие из них богатствами земными соблазнились...

А кто-то влияния в новом устройении религиозном добился...

Кто-то — победу в сражении для «своего» народа над «чужим» народом снискать захотел...

Бывает, что легко души, обладающие силой большой, достигают желаемого... А результат того — часто печален... Нечистый ум такого человека искажает понимание Истины!

Даже воспринимаемые от Бога Откровения — эгоистичный ум может начать в пользу себе подделывать, даже «приписывать Богу» собственное мнение...

Обычно человек, ослеплённый гордостью или тщеславием, сего не замечает за собой. Незаметно так — ложь с истиной перепутываются!... А человек, обладающий душою большой и сильной, и вовсе редко, когда в себе сомневается! Слишком уверен он становится в «правоте» собственной!

Вот так и получается лидер меж людьми, который сам вовсе не сомневается, что Бог именно через него действует... И он всех в том убеждает...

От самости такой и гордости, превелико возросших, до падения в грубость, ненависть, самодурство — очень недалеко бывает!...

Магия белая от магии чёрной — какое отличие имеет? Как думаешь? Цели благие — у магии белой, а у чёрной — вроде как, злые? А кто тут границу проведёт? Вникаешь?

— Да как же разобраться? Как не ошибиться? Не касаться вовсе знания о Силе Божественной? Не использовать то знание?

В православии сие искушением или «прелестью» называют, то есть, прельщённостью кознями дьявола... И боятся все страхом великим таких соблазнов! Погибелью для души сие считают — с вечным горением в аду в наказание!

Даже мысль допустить, что Бога можно слышать и видеть, — священники ныне боятся... Если виденье и слышанье такое кто развил в себе — стало быть оно — «от нечистого»!...

Но Иисус же — являл Силу Божию! И чудеса Он творил, чтобы поверили Ему! И явно было людям, что от Бога — Сила Его!

— Да, такова была Миссия Иисуса... Впрочем, и Его не все ведь тогда признали. Многие сомневались: от Бога ли Он?

Но вот смотри: Иисус имел Силу — чтобы смерти крестной избежать, чтобы покарать пред лицом всего народа палачей... Как полагаешь: отчего Он так не поступил?

— Во исполнение пророчеств... И ради того, чтобы силу любви и веры показать людям...

А ещё — Он явил людям величие прощения тем, кто гнали Его и убивали Его тело.

И ведь чуда Воскресения — без смерти тела
Его — явлено не было бы!

— Да, верно! Многое людям Иисус явил — и
Любовь, и Смирение, и Силу!

Но что ныне с Учением Его творится по всей
Земле?!

Есть ещё многое, что тебе, Алексей, только
предстоит познать в единении душою с Богом! Не
торопись! А потом — и Мудрость, и Сила пребу-
дут!

Не твоя ведь Сила сия! Она — Божия!

И не просто это: жить, когда все люди во-
круг — словно дети тебе!

Вот для меня — лишь общинники наши —
словно родные! А остальных людей — только
лишь учусь любить Божией Любовью. А ты — вон
как замахнулся: «православный священник всея
Руси»!... Шучу, конечно! Но сколько ответствен-
ности такая любовь налагает — тебе ещё токмо
предстоит понять!

Ты ныне учись взвешивать каждый свой
шаг, каждое слово, каждое действие! Ты и теперь
уже стал душой не малой! И каждая твоя мысль,
эмоция, каждое решение и действие — не просто
чуть-чуть оставляют след в пространстве Миро-
здания и рассеиваются после. Ты уже можешь
значимо влиять на многие связанные в некую це-
почку события и судьбы... Прими ответствен-
ность за это всё! Действуй так, чтобы за каждое
слово и поступок не стыдно было бы отдать
жизнь! Не стыдно — ни пред людьми, ни пред Бо-
гом!

[Продолжение следует]